

СРАЖЕНИЯ В ВОЗДУХЕ
ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ XX ВЕКА

Дмитрий Дегтев, Дмитрий Зубов

ВОЗДУШНАЯ БИТВА ЗА ГОРОД НА НЕВЕ

**ЗАЩИТНИКИ ЛЕНИНГРАДА
ПРОТИВ АСОВ ЛЮФТВАФФЕ**

1941—1944

**Дмитрий Владимирович Зубов
Дмитрий Михайлович Дёгтев
Воздушная битва за город на Неве.
Защитники Ленинграда против
асов люфтваффе. 1941–1944 гг.
Серия «Военная авиация XX века»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6705536

Воздушная битва за город на Неве. Защитники Ленинграда против асов люфтваффе. 1941—

1944: Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05201-8

Аннотация

Начало войны ленинградцы, как и большинство жителей Советского Союза, встретили «мирно». Граница проходила далеко на юго-западе, от Финляндии теперь надежно защищал непроходимый Карельский перешеек, а с моря – мощный Краснознаменный Балтийский флот. Да и вообще, война, если она и могла начаться, должна была вестись на территории врага и уж точно не у стен родного города. Так обещал Сталин, так пелось в довоенных песнях, так писали газеты в июне сорок первого. Однако в действительности уже через два месяца Ленинград, неожиданно для жителей, большинство из которых даже не собирались эвакуироваться в глубь страны, стал прифронтовым городом. В начале сентября немецкие танки уже стояли на Неве. Но Гитлер не планировал брать «большевистскую твердыню» штурмом. Он принял коварное решение отрезать его от путей снабжения и уморить голодом. А потом, когда его план не осуществился, фюрер хотел заставить ленинградцев капитулировать с помощью террористических авиаударов.

В книге на основе многочисленных отечественных и немецких архивных документов, воспоминаний очевидцев и других источников подробно показан ход воздушной войны в небе Ленинграда, над Ладогой, Тихвином, Кронштадтом и их окрестностями. Рапорты немецких летчиков свидетельствуют о том, как они не целясь, наугад сбрасывали бомбы на жилые кварталы. Авторы объясняют, почему германская авиация так и не смогла добиться капитуляции города и перерезать Дорогу жизни – важнейшую коммуникацию, проходившую через Ладожское озеро. И действительно ли противовоздушная оборона Ленинграда была одной из самых мощных в стране, а сталинские соколы самоотверженно защищали родное небо.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая. Братство голода	6
Глава 1. «Неожиданная весть»	6
«Немцы бросали оружие, сдавались в плен»	6
«Они скоро будут здесь»	9
Ждановская фаланга	13
Глава 2. «На огонь. На Ленинград!»	18
Стратегические бомбардировщики Гитлера берутся за дело	18
Войска ПВО в неудовлетворительном состоянии	21
Темная пучина	25
«Бычий глаз»	32
«Изнуряющие налеты»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Дегтев, Дмитрий Зубов Воздушная битва за город на Неве. Защитники Ленинграда против асов люфтваффе. 1941—1944

Предисловие

Когда царь Петр основывал в мрачной болотистой дельте Невы новую столицу России, он, безусловно, знал, что ей уготована яркая и насыщенная судьба. По задумке будущего императора Всероссийского здесь создавалось нечто среднее между Амстердамом, Гамбургом и Венецией. Но конечно же с нашей, русской душой. В отличие от Москвы и других старых городов, где в архитектуре, а соответственно и самосознании жителей доминировали здания церквей, в Санкт-Петербурге на улицах и проспектах с удивительным переплетением немецких и отечественных названий господствовали величественные гражданские строения. Город строился по единому плану, в одном стиле, а соборы здесь ставились больше для красоты, чем для прямых нужд. С самого начала своей истории Петербург и любили и ненавидели. Для одних он стал символом красоты и величия, культуры и государственности, для других – «городом контрастов», блеска и нищеты. Но никого не оставлял равнодушным.

Как бы там ни было, Петр добился одного – центр российской политической, общественной жизни и культуры на века сместился на угрюмые берега Финского залива. Город фонтанов и львов, город Медного всадника и Ленина на броневике, город кораблей и трамваев, город дворцов и трущоб, город императоров и пролетариата, город дворцовых переворотов и революционных демонстраций, город Пушкина и Распутина, Керенского и Кирова, город войны и мира и войны миров, город русской интеллигенции и советских моряков... Таков он наш Петербург – Петроград – Ленинград – Питер. Пожалуй, нигде больше российская история не переплеталась столь яркими красками и противоречиями. Символ «окна в Европу», лицо монархии, колыбель революции и просто изумительно красивый город в одном лице.

Даже при советской власти, когда крушить, ломать и строить «наш, новый мир» стало делом привычным, обретший новое название город нисколько не утратил ни своего исторического облика, ни духа, ни шарма. Его даже не испортили новые пролетарские названия районов, улиц, станций и заводов. Наоборот, пожалуй, именно тут они наиболее лаконично вписались в историческую среду.

Начало войны, как и большинство жителей Советского Союза, ленинградцы встретили «мирно». Все-таки Ленинград был тыловым городом. К тому же еще никогда со времен изгнания шведов в начале XVIII столетия нога врага не ступала на эту землю. Даже Наполеон, захвативший Москву, и близко не подошел к тогдашней столице Российской империи. А в 1941 году граница проходила далеко на юго-западе, за недавно присоединенной Прибалтикой, а от Финляндии теперь надежно защищал непроходимый Карельский перешеек. Ну а с моря город защищал Кронштадт и мощный Краснознаменный Балтийский флот. Да и вообще, война, если она и могла начаться, должна была вестись на территории врага и уж точно не у стен родного города. Так обещал великий Сталин, и так пелось в довоенных песнях.

Однако все пошло совсем не так. Уже через два месяца после начала войны Ленинград, неожиданно для жителей, большинство из которых даже не пытались эвакуироваться в глубь страны, стал прифронтовым городом. В начале сентября немецкие танки уже стояли на Неве.

Но Гитлер не планировал брать город, который в Третьем рейхе называли не иначе как «большевистской твердыней», штурмом и лобовой атакой. Он принял, как казалось, коварное решение – отрезать его от путей снабжения и уморить голодом. А потом, когда его план не осуществился, заставить ленинградцев капитулировать с помощью террористических налетов. Вероятно, фюрер забыл опыт Лондона, который не сломили даже непрерывные многомесячные бомбардировки...

В книге на основе многочисленных отечественных и немецких архивных документов, воспоминаний очевидцев и других источников подробно показан ход воздушной войны в небе Ленинграда, над Ладожским озером, Тихвином, Кронштадтом и их окрестностями. Также здесь опубликованы рапорты, донесения о боевой работе немецкой авиации, в том числе свидетельства летчиков, о том, как именно они проводили террористические налеты на Ленинград, сбрасывая бомбы не целясь, практически наугад на жилые дома. Также авторы дают ответ на вопрос, почему, несмотря на многочисленные успехи, германская авиация так и не смогла добиться капитуляции города и перерезать Дорогу жизни – важнейшую коммуникацию, проходившую через Ладожское озеро. А также действительно ли противовоздушная оборона Ленинграда была одной из самых мощных в стране, а сталинские соколы самоотверженно защищали родное небо.

Часть первая. Братство голода

Глава 1. «Неожиданная весть»

«Немцы бросали оружие, сдавались в плен»

Ленинградцы не знали, что подписанный Гитлером в декабре 1940 года план «Барбаросса» уже определил их судьбу. Фюрер потребовал обезопасить Балтийское побережье, уничтожить советский флот, захватить Ленинград и соединиться здесь с финнами. Группе армий «Норд» под командованием фельдмаршала Риттера фон Лееба на выполнение этой задачи отводилось всего четыре недели. 18-я армия должна была наступать вдоль шоссе Тильзит – Рига и далее на Таллин и Псков, а 16-я через Даугавпилс в направлении озера Ильмень и Новгорода. Основную ударную силу Лееба составляла 4-я танковая армия, в которую входили 41-й моторизованный корпус генерала Райнхарда и 56-й моторизованный корпус генерала Манштейна.

И в первые недели наступления у немцев все шло по плану. Уже утром 26 июня танки Манштейна захватили мосты через Западную Двину в районе Даугавпилса, а на следующий день пали первые базы Балтийского флота Лиепая и Вентспилс.

Однако в Ленинграде всего этого не знали. Заголовки газет были полны воинственности: «Грозен гнев советского народа», «Фашистские разбойники жестоко поплатятся», «Фашистские мракобесы будут уничтожены», «Для фашистов у нас найдутся смирительные рубахи» и т. п. Хватало в них и художественной патетики.

«Рассвет и утро были солнечны, – писала «Ленинградская правда» 23 июня. – И город, давно ждавший теплого летнего дня, отдался праздничной суете воскресенья. По улицам и проспектам текли толпы людей. Их путь лежал к вокзалам и паркам, туда, за город, к взморью и рекам, к прохладе лесов и простору полей. Прекрасный всегда и вдвойне хорош в такой ясный день наш любимый город, своей оживленностью, мельканием парусов над водной гладью, плеском весел на реках и каналах, музыкой, не смолкающей над садами и парками, той полнотой отдыха, которую знает лишь народ, пользующийся всеми благами свободы.

В такой вот день, наверное, и писал Маяковский свое «Хорошо», делился чувством, присущим только советскому человеку, чувством создателя всех благ, хозяина страны. Дома – мои, улицы – мои, город – мой, руками могучего народа, дерзко созданный из тьмы лесов и топи блат». В общем – рай! И вот на этот рай вздумали покуситься фашистские мракобесы!

«Это была неожиданная весть. Но весть эта не была неожиданной, – продолжала статья. – Наш народ готов к любым случайностям. И даже эта «случайность», при всей своей чудовищности, имела исторические аналогии. Не в первый раз встречается русский народ с врагами!

– Ну, пусть держится теперь! – от всей души высказал кто-то свои мысли. И фраза эта, отчетливо прозвучавшая в тишине, донеслась до всех. Пожилой человек, произнесший ее, решительно надел кепку и быстрым шагом пошел по проспекту. И по уверенности его движений все поняли: человек знает, куда идти¹».

¹ Так в тексте. (Здесь и далее примеч. авт.)

Конечно, тогда еще никто не знал, что вот эта фраза – «Ну, пусть держится теперь!» – совсем скоро приобретет вполне реальный смысл. Только, увы, не для фашистских разбойников, а для самого города садов и парков...

24 июня была опубликована первая сводка командования Красной армии за прошлый день: *«В течение дня противник стремился развить наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря, направляя главные свои усилия на Шауляйском, Каунасском, Гродненском, Ковненском, Владимир-Волынском, Рава-Русском и Бродском направлениях. Но успеха не имел. Все атаки противника на Владимир-Волынском и Бродском направлениях были отбиты с большими для него потерями. На Шауляйском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся с утра на нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу, при этом на Шауляйском направлении нашим артогнем уничтожено до 300 танков противника...»*

«А иначе же и быть не могло!» «А чего они хотели, мерзавцы!» Примерно такими были типичные высказывания в трамваях, скверах, на скамейках у подъездов домов. Ведь и в песнях пелось: «И линкоры пойдут! И пехота пойдет!» Казалось, еще пара дней – и в сводках появятся сообщения о том, что войска Красной армии перешли границу и начали громить врага на его территории.

Особенно потрясает короткий материал под названием «На погранзаставах». *«Как только была прослушана по радио речь тов. Молотова, на погранзаставах состоялись короткие митинги, – говорилось в сообщении. – Бойцы и командиры с чувством глубокого возмущения говорили о гнусном бандитском нападении германских войск на мирные советские города...»* Вот чем, оказывается, занимались советские пограничники в то время, когда немецкие танки местами уже углубились на десятки километров на нашу территорию. Проводили митинги!

Любопытно, что 24-го числа обычно вравшая «Ленинградская правда» впервые напечатала более-менее правдивое сообщение: *«23 июня 6 германских самолетов, вылетевших с финской территории, пытались бомбардировать район Кронштадта. Самолеты были отогнаны (как мухи. – Авт.). Один самолет был сбит, и взяты в плен четыре немецких офицера».* В действительности речь шла о 1-й эскадрилье специализированной авиагруппы KG.806, которая в ночь на 23 июня совершала уже второй вылет для минирования фарватеров в районе Кронштадта. «Юнкерсы» вылетели с финского аэродрома Утти, и один бомбардировщик и правда был подбит зенитками и совершил вынужденную посадку на брюхо на советской территории. При этом экипаж во главе с лейтенантом Тюрмаером попал в плен.

Впрочем, какое это имело значение! *«С моря наш город защищает Краснознаменный Балтийский флот, – рассказывал очередной пафосный материал «Боевые традиции балтийцев». – Балтийцы свято хранят боевые и революционные традиции русских моряков».* Далее предсказывалось, как уже скоро крейсера и линкоры ринутся во вражеские воды: к Кёнигсбергу, Данцигу, Штеттину и под пение «Интернационала» начнут топить фашистский флот. То, что флоту придется защищать город в прямом смысле слова, то есть стрелять прямо с Невы по немецкой пехоте, никому не снилось даже в страшных снах.

Попутно с первых же дней была открыта постоянная рубрика в духе «Под пятой германского фашизма», в которой публиковались материалы о том, как страдают под гитлеровским гнетом оккупированные страны Европы. Долг советских солдат в такой ситуации был очевиден – освободить, всех освободить!

Тогда никто не мог даже подумать, что в ходе войны, которая конечно же будет вестись на территории врага, тот самый враг может дойти до Ленинграда. Но вот к налетам авиации готовились, готовились заранее. В прошлые годы жители читали в газетах про налеты на Варшаву, Роттердам и Лондон, поэтому к воздушной угрозе относились серьезно. В жилых

кварталах и на заводах регулярно проводились учения, объявлялись условные воздушные тревоги. Когда началась война, все мобилизационные планы тотчас привели в действие.

«Это обычный ленинградский дом, – писала «Ленинградская правда». – Он выходит своим светлым фасадом на улицу Желябова. И живут в этом доме простые люди – врачи и медики, инженеры и бухгалтеры, семьи командиров и красноармейцев. Сегодня в этом доме, как в тысячах других, внешне все обстоит так же, как вчера. Во дворе играют ребята, в открытые окна доносятся звуки радио, мирно беседуют у крыльца домохозяйки. Только одна разница между сегодняшним и вчерашним. Спокойнее, серьезнее, строже стало в этом доме, где живет тысяча советских граждан.

Дом готов к обороне. Еще с улицы видны надписи:

«Бомбоубежище»,

«Штаб»,

«Пункт медицинской помощи»,

«Пост охраны общественного порядка».

Накануне эти надписи считались бы условными. В доме давно оборудовано вместительное бомбоубежище. Сотни людей уже побывали в нем во время учебных тревог. И на медицинском пункте давно уже все подготовлено на случай воздушного нападения врага».

Однако, несмотря на воинственность и «серьезность», почти никто, естественно, не верил, что бомбоубежище придется использовать по назначению. Сталинские соколы и зенитчики, без сомнения, не допустят коварного врага в небо Ленинграда!

27 июня был опубликован репортаж из Тихвина.

«В день отправки мобилизованных в Красную армию на митинге в колхозе «Красный путь» выступил стахановец овощевод, участник боев с белофиннами, орденосец тов. Кузьмин, – сообщал корреспондент по телефону. – От имени уходящих на фронт он заявил:

– Мы идем защищать Родину от нашествия врагов. Будем самоотверженно биться за отчизну.

Тов. Кузьмин призвал всех колхозников работать по-стахановски, крепить военное могущество страны».

Товарищ Кузьмин, как и его слушатели – жители лесного и болотистого края, раскинувшегося к юго-востоку от Ладожского озера, конечно же не могли и подумать, что враги всего через четыре месяца придут и сюда, а защищать от нашествия придется сам Тихвин...

Ну а открыв 28 июня свежую газету, ленинградцы лишний раз убедились в своей правоте. «Враг не вынес всесокрушающего удара» – такой заголовок красовался на второй полосе.

«Свыше двух часов немцы атаковали позиции, но рота спокойно отражала их иштурм, – сообщало ТАСС. – Ряды врага редели, силы стали ослабевать.

– Вперед! За Сталина, за Родину! – крикнул командир роты и первым с винтовкой наперевес кинулся на врага. Вслед за командиром всесокрушающей лавиной поднялись бойцы. Сверкнули молнии иштыков. Десятки гранат рвались среди врагов. Немцы дрогнули, не вынесли красноармейского иштыкового удара.

Исход боя был решен смелым и решительным маневром взвода тов. Гордиенко. Зайдя в тыл врага, бойцы отрезали ему путь к отступлению. Немцы бросали оружие, сдавались в плен. Государственная граница снова была в руках советских бойцов».

В следующие дни тон воинственных публикаций не изменился.

«Советский Союз долго терпел неслыханные провокации реакционного, фашистского правительства Финляндии и той военицины, на которую оно опирается, – сообщала 29 июня статья под заголовком «Финские холопы Гитлера получают по заслугам». – Но долготу терпению советского народа приходит конец. Настала пора проучить зарвавшихся палачей финского народа.

Финская военщина – наемная агентура Гитлера уже из опыта знает, какая жестокая и горькая участь постигнет тех, кто посягает на советские рубежи, на город Ленина. Новый урок, который получают зарвавшиеся гитлеровские холопы, будет и стократ убедительней. От этого урока гитлеровские вассалы Финляндии не оправятся. Красная армия навсегда обеспечит безопасность Ленинграда всей силой своего оружия».

Как говорится, без комментариев...

Победный и шапкозакидательский тон в новостях, как известно, прекратился только 3 июля, когда вся страна услышала из радиоприемников полумертвый и трагический голос товарища Сталина: «Братья и сестры...»

«Они скоро будут здесь»

Тем временем уже 4 июля, то есть всего через 12 дней после начала вторжения, Военный совет Северного фронта получил директиву Ставки главного командования о подготовке обороны на подступах к Ленинграду: *«В связи с явной угрозой прорыва противника в районе Остров, Псков немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи...»* А на следующий день нарком ВМФ адмирал Кузнецов издал приказ о мероприятиях по созданию обороны города Ленинграда со стороны Озерного района. Согласно ему на Ладожском и Онежском озерах следовало немедленно приступить к развертыванию Ладожской военной флотилии и созданию флотилии на Онежском озер². Собственно, с этого момента и можно говорить о начале обороны Ленинграда.

Однако в самом городе о грозящей опасности пока не подозревали. Сводки Совинформбюро скрывали истинное положение вещей на фронтах, сообщая в основном мелкие, второстепенные подробности и по-прежнему публикуя «сводки» о массовой сдаче в плен немцев. В начале июля Ленинград еще жил привычной жизнью, хотя по ночам в городе была введена светомаскировка, а на вокзалах под «Прощание славянки» каждый день тысячи людей провожали эшелоны с мобилизованными.

Впрочем, в то время как многие ленинградцы только отправлялись на передовую, оттуда, наоборот, в город уже начали прибывать бегущие от немецкого наступления моряки, в панике бросившие свои части. Они-то и доставили в Ленинград самую свежую информацию. О всеобщем отступлении, оставлении военно-морских баз, о бесполезности сопротивления, ну и о том, что немцы скоро уже будут здесь! *«Наблюдаются случаи, когда целые группы краснофлотцев и даже некоторые командиры самостоятельно «эвакуируются» с фронта и из прифронтовой полосы, захватывая иногда автомашины, на которых беспрепятственно и бесконтрольно приезжают прямо в Ленинград, где безнаказанно распространяют ложные, явно провокационные слухи, – писал в своем приказе нарком Кузнецов 9 июля. – Отдельные «командиры» даже переодеваются в краснофлотскую форму³, уничтожая личные документы»⁴.*

А паниковать и «переодеваться» было отчего. 10 июля немецкие танковые дивизии, прорвав фронт к югу от Пскова, устремились к Луге. До Ленинграда им оставалось всего 180–200 километров. При том стремительном темпе наступления, который Лееб взял с начала войны, ему требовалось 9–10 дней, чтобы подойти к стенам города.

Тем временем уже с первых дней вторжения над Ленинградом и его окрестностями стали регулярно появляться немецкие самолеты-разведчики. В первые недели войны в этом

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 3. Оп. 11556. Д. 1. Л. 71; Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 79. Д. 39786. Л. 154–155.

³ Кузнецов имел в виду, что флотские офицеры переодевались в форму рядовых матросов.

⁴ ЦВМА. Ф. 216. Д. 12490. Л. 246.

районе в основном действовала 2-я эскадрилья отдельной авиагруппы дальней разведки при главнокомандующем люфтваффе (Aufkl.Gr.Ob.d.L.) под командованием оберста Теодора Ровеля. В отличие от обычных групп, которые в тот момент действовали в интересах воздушных флотов и сухопутной армии, последняя занималась стратегической разведкой и выполняла особо важные задания, результаты которых докладывались напрямую главному командованию люфтваффе, абверу, а зачастую и лично фюреру. 2 (F)/Ob.d.L. гауптмана Клауса Притцеля базировалась на аэродроме Инстербург в Восточной Пруссии, откуда с первого дня совершала вылеты в район Таллина, Кронштадта, Ленинграда и Ладожского озера.

Унтер-офицер Макс Лагода, служивший бортрадистом в составе экипажа обер-лейтенанта Вальтера Фрошауэра, вспоминал:

«21.06.1941 г. мы узнали, что начинается война с Россией! Утром первые машины совершили вылеты на восток. Наш экипаж отправился на задание на второй день. Мы хорошо подготовились, и каждый знал свое дело. Приказ гласил: контролировать движение судов в Балтийское море с островов Эзель и Даго⁵ в Ревель⁶, а также фотографировать все транспорты.

Первый вылет проходил над Ревелем. Здесь, в порту находилась часть русского Балтийского флота... Мы сфотографировали гавань и город. Затем мы продолжили полет на высоте 7800 м, над окружающими базу аэродромами»⁷. Первый вылет Лагоды и его экипажа на Восточном фронте продолжался 245 минут. При этом почти на всем протяжении полета из-за большой высоты летчики дышали через кислородные маски.

Всякий раз разведчики старались подойти к цели не замеченными для истребителей ПВО, поэтому летали преимущественно на большой высоте и над облаками. Однако это удавалось не всегда. Лагода продолжал свой рассказ: *«Истребитель намного меньше, маневреннее и быстрее, чем мы. Единственное, что мы могли противопоставить им, – это наша смелость. Как правило, бой выигрывал тот, кто первым увидел своего противника. Часто русские истребители оставались далеко позади только потому, что я или другой член экипажа первыми заметили их. Так нам удавалось избежать боя, хотя нередко можно было видеть их трассирующие очереди. Это не было каким-то выдающимся открытием, но факт. Бдительность составляла половину успеха»⁸.*

29 июня эскадрилья Притцеля понесла первую боевую потерю на Восточном фронте. Ju-88А-5 лейтенанта Дитриха Альбрехта из 2-й эскадрильи выполнял дальний вылет в район Ладожского озера. Бортмеханик унтер-офицер Отто Густав сообщил по радиации, что самолет подвергся атаке высотного перехватчика и все члены экипажа получили серьезные ранения.

Надо отметить, что переговоры по радио были запрещены, но передавать сообщения открытым текстом разрешалось в экстренных ситуациях. Альбрехту в итоге удалось дотянуть до Восточной Пруссии, однако при выполнении вынужденной посадки «Юнкерс» потерпел катастрофу. Все летчики при этом погибли и вскоре были похоронены с почестями на военном кладбище в Инстербурге.

В начале июля экипажи из 2-й эскадрильи продолжали интенсивные полеты в район Финского залива и Ленинграда. По воспоминаниям Макса Лагоды, средняя продолжительность вылетов, проведенных им 2 и 5 июля, составляла от пяти до шести часов.

⁵ Немецкое название островов Саремаа и Хиумаа.

⁶ Таллин.

⁷ Lagoda M. Ein Blick in die Vergangenheit. Kriegserinnerungen eines Fernaufklärers aus Russland und dem Orient. Helios, 2011. S. 36.

⁸ Lagoda M. Op. cit. S. 36.

А 6-го числа подразделение понесло вторую потерю. В этот день Ju-88D-2 «VB+KM» лейтенанта Карла Неелмайера должен был произвести аэрофотосъемку Ленинграда. *«На высоте 8000 метров самолет подлетал к городу на Неве. Стояли белые ночи, и воздушная разведка велась по 18 часов в сутки. Когда слева появилась Кронштадтская бухта, спереди – извилистая лента Невы и сотни домов трехмиллионного города, наши «VB+KM» снизился и «раскрыл глаза» своих фотокамер»,* – вспоминал потом командир экипажа штурман лейтенант Дитрих Виллмс.

Последний начал службу в Aufkl.Gr.Ob.d.L. в конце 30-х годов. На самолете Do-215 без опознавательных знаков Виллмс летал в качестве наблюдателя и командира экипажа на больших высотах над Францией, Великобританией, Югославией, а позднее и над Советским Союзом. 12 июня 1941 года он присутствовал на секретном совещании, состоявшемся в штабе 1-го воздушного флота. Там летчик был проинформирован о скором начале войны против СССР и задачах стратегической разведки.

Сообщение о будущей войне Виллмс воспринял с оптимизмом, так как оно как бы легализовало его положение. Теперь, если бы разведчик был сбит над вражеским тылом, он становился не шпионом и диверсантом, а военнослужащим, участвующим в боевых действиях. Накануне операции «Барбаросса» экипаж прошел переучивание на новый Ju-88D-2, который еще недавно был экспериментальной моделью. Отсюда необычный код «VB+KM».

Роковой ошибкой для опытного пилота Неелмайера стало решение снизиться с большой высоты, недостижимой для истребителей, до 4000–5000 метров. В итоге, когда экипаж еще практически не успел начать аэрофотосъемку, поблизости появился вражеский истребитель.

Сам Виллмс так описывал произошедшее:

«Сзади – истребитель, – доложил наблюдатель лейтенант К. Неелмайер.

– Вот как?! Это поистине ужасно! – насмешливо ответил я.

– Он поднимается нам навстречу, господин лейтенант! – крикнул кто-то за спиной. – Это совсем не «крыса»⁹.

Едва механик и наблюдатель успели занять места у пулеметов, как советский самолет ринулся в атаку со стороны солнца. Это был истребитель Як-1 последней модификации. Первая же очередь из скорострельной пушки попала в цель, со свистом разлетелись вздрезки кислородные баллоны, машину охватило пламя»¹⁰.

В действительности атаковавшим «Юнкерс» истребителем оказался совсем не «Як-1 последней модификации», а высотный перехватчик МиГ-3 старшего лейтенанта Дмитрия Титаренко¹¹ из того же 19-го ИАП ПВО. При этом, по некоторым данным, Ju-88D-2 был сначала поврежден зенитным огнем и только потом потерял высоту и попал под атаку истребителя¹².

Виллмс продолжал свой рассказ: *«Прыгайте! – изо всех сил ору я. Все четверо ранены, лишь двое смогли благополучно выбраться на свободу. Я дернул за кольцо парашюта, раз-*

⁹ «Крысой» (rata) немецкие летчики со времен войны в Испании называли истребитель И-16.

¹⁰ Хазанов Д.Б. Битва за небо. 1941: от Днепра до Финского залива. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 124.

¹¹ Родился в 1914 году. Вступил в Красную армию в 1935 году. Затем окончил военную авиационную школу летчиков, перешел на службу в ВВС РККА. Свою боевую карьеру лейтенант Д. С. Титаренко начал в 1939 году, во время похода советских войск в Западную Украину и Белоруссию. С 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года принимал участие в войне с Финляндией. Выполнял 79 боевых вылетов. 7 апреля 1940 года был награжден орденом Красного Знамени. Воздушная победа 6 июля 1941 года стала первой, одержанной летчиками 19-го ИАП ПВО. 10 июля Титаренко за 14 боевых вылетов и один сбитый самолет-разведчик был вторично представлен к награде. Позднее получил второй орден Красного Знамени. К концу войны на счету летчика, завершившего ее в качестве ведомого летчика-аса Ивана Кожедуба в 176-м гвардейском ИАП, было семь сбитых самолетов.

¹² Lagoda M. Op. cit. S. 37.

дался резкий толчок, шелестя, распахнулся шелковый купол. Теперь я медленно опускался на вражеский город, ветер, раскачивая, нес меня к Неве».

Немецкий летчик понимал, что вскоре неизбежно попадет в лапы «врага, который не знает пощады». У него в голове даже мелькнула мысль застрелиться прямо в воздухе. И это через пару недель после начала войны на Восточном фронте! Данный момент ярко иллюстрирует работу пропагандистских машин противоборствовавших тоталитарных систем. Но желание жить пересилило, и через пару часов Виллмса допрашивали в советском штабе. Вместе с ним удалось спастись лейтенанту Неелмайеру, остальные два члена экипажа не смогли покинуть горящий самолет и погибли¹³.

А уже на следующий день, то есть 7 июля, в район Ленинграда отправился Ju-88D-2 «VB+KL», в котором в качестве бортмеханика летел Макс Лагода. Экипаж получил задачу произвести аэрофотосъемку Ленинграда, военно-морской базы в Кронштадте и всех аэродромов в этом районе. Летчики испытывали некоторый страх перед полетом, особенно памятуя о судьбе пропавшего днем раньше «Юнкерса». И действительно, с начала войны противовоздушная оборона данных объектов значительно усилилась. Лагода вспоминал: *«Огонь тяжелых орудий встретил нас в Кронштадте. Здесь стоял на якорях российский Балтийский флот. Несколько тяжелых крейсеров типа «Максим Горький», эсминцев и кораблей старого типа, оставшихся с Первой мировой войны. Оставалось только «молиться», чтобы этот мощный зенитный огонь не поразил нас. Мы достигли в качестве меры предосторожности уже большой высоты 8500 м. Вальтер Фрошауэр вел машину зигзагами, часто меняя курс и обороты двигателей. В итоге нам удалось избежать опасностей. Мы были там лишь 20 минут, но они казались вечностью. В ходе разведки авиабаз мы обнаружили, что возникло несколько новых аэродромов. Тем временем мы находились в 20 км западнее Ленинграда и снова достигли нашей высоты 8500 м»*¹⁴.

Здесь Ju-88 Фрошауэра был атакован сразу несколькими перехватчиками МиГ-3 из 7-го ИАК ПВО. По воспоминаниям Лагоды, их было 10–15 штук! Поскольку самолеты были своевременно замечены штурманом Альфредом Полем, пилот сразу же начал выполнять маневры уклонения, сначала резкий правый вираж, потом пикирование. Одновременно разведчик вел интенсивный огонь из своих бортовых пулеметов. После этого часть истребителей отстала, но остальные продолжили преследование. Тогда Фрошауэр вторично начал уход с помощью резкого пикирования. За счет большей массы и мощности двигателей «Юнкерс» набирал при этом гораздо большую скорость, чем его противники. *«Конец был очень близко, – продолжал свой рассказ Лагода. – Этот момент на грани смерти я запомнил на всю свою жизнь... Бой продолжался около 20 минут. Целая вечность! Теперь мы легли на северный курс и летели на низкой высоте в направлении Финского залива. Один никак не покидал нас и над водой. Расстояние до истребителя постепенно увеличивалось. Потом он отвернул...*

*В центральной части Финского залива мы увидели одиночный Me-109. Это был немецкий самолет. Чтобы опознать себя, мы подали специальные сигналы ракетами и помахали крыльями. Пока мы летели на запад, он сопровождал нас, после чего мы сказали «до свидания», опять помахав ему. Он сделал то же самое. Только теперь я заметил, что я по-прежнему был в дыхательной маске. Система отопления, до сих пор работавшая на полную, была выключена»*¹⁵.

Оправившись после опасного задания, летчики поняли, что топлива для возвращения обратно в Инстербург им не хватит, посему недолго думая решили лететь в расположенный

¹³ Виллмс и Неелмайер пережили войну и после освобождения из плена вернулись в Германию.

¹⁴ Lagoda M. Op. cit. S. 38.

¹⁵ Lagoda M. Op. cit. S. 39.

на северном берегу залива город Хельсинки. Лагода передал по радиации краткие обстоятельства боя и сообщил, что они летят в столицу дружественной Финляндии. Между Третьим рейхом и союзником существовала договоренность о том, что в случае необходимости самолеты люфтваффе могут пользоваться любой из доступных авиабаз. Найдя подходящий аэродром, Фрошауэр произвел посадку.

Осмотр самолета показал, что на нем не было никаких серьезных повреждений, требовался лишь мелкий ремонт и техническое обслуживание. Затем немцы снова запустили двигатели, чтобы связаться с Инстербургом, после чего еще раз подробно изложили обстоятельства случившегося. После этого экипаж получил возможность отдохнуть. *«На несколько дней для нас наступил мир, – радовался Лагода. – И мы уже были довольны»*. Вскоре Лассинг и Лагода нашли местного студента, который с радостью показал им основные достопримечательности города и красивые парки в районе порта. Летчики загулялись до темноты, в связи с чем получили возможность еще и понаблюдать за северным сиянием.

Когда «Юнкерс» был отремонтирован и готов к полету, экипаж отправился обратно в Инстербург. Тем временем войска немецкой группы армий «Норд» стремительно продвигались на северо-восток в глубь советской территории. В связи с этим 1-я эскадрилья 10 июля перебазировалась в Динабург¹⁶.

Ждановская фаланга

В Ленинграде тем временем готовились к обороне. Обстановка, царившая в городе, теперь уже каждого заставила понять, что враг уже у ворот. На фронт уже отправлялись не регулярные части, а импровизированные подразделения, собранные с миру по нитке. 10 июля на Лужский оборонительный рубеж отправилась 1-я Кировская дивизия народного ополчения. Впоследствии за ней пойдут еще девять. Дивизии имели пестрый состав: молодежь, впервые взявшая в руки винтовку, люди зрелого возраста, имевшие за плечами опыт Гражданской войны, как физически крепкие, так и слабые здоровьем. Обученные на скорую руку, они должны были заткнуть дыры в разваливающемся фронте. Из личного состава кораблей, военно-морских частей и училищ спешно формировались бригады морской пехоты численностью 80 тысяч человек. Одновременно с этим почти полмиллиона ленинградцев отправились на строительство оборонительных рубежей на подступах к городу. На заводах круглые сутки изготавливались сборные железобетонные орудийные и пулеметные точки, броневые артиллерийские доты, железобетонные пирамидные надолбы, которые густой сетью устанавливались в укрепленных районах¹⁷.

Между тем к середине июля наступление вермахта на всех фронтах замедлилось. Танки оторвались далеко вперед от пехоты, а коммуникации непомерно растянулись. Кроме того, если в полосе группы армий «Митте» все более-менее шло согласно плану «Барбаросса», то на северном и южном направлениях из-за нехватки сил не удавалось равномерно продвигаться вперед. У группы армий «Норд» застрял правый фланг, а у группы армий «Зюд», наоборот, левый. В результате Гитлер решил приостановить наступление на Москву и передать часть войск с центрального направления на север и юг. Согласно подписанной им директиве № 34 от 30 июля, 41-й танковый корпус генерала Райнхарда и, главное, 8-й авиакорпус генерал-майора Рихтхофена временно передавались группе армий «Норд». Последней ставилась задача в течение полутора месяцев окружить Ленинград, соединиться с финнами и уничтожить советский Балтийский флот.

¹⁶ Ныне г. Даугавпилс, Латвия.

¹⁷ Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. Л.: Лениздат, 1985. С. 10–11.

После отдыха и перегруппировки 8 августа 18-я немецкая армия перешла в решающее наступление. Не выдержав мощных ударов штурмовиков из StG2 «Иммельман», советские войска дрогнули и снова не смогли удержать линию фронта. И хотя настоящего блицкрига уже не было, немцы продолжали методично, со скоростью около 2–2,5 километра в сутки продвигаться к своей цели. Уже вскоре гарь от пожаров, возникающих после постоянных бомбардировок, стала доноситься до предместий Ленинграда, а в город стекалось все больше и больше беженцев. Скрывать от населения истинное положение вещей больше было невозможно.

20 августа Ворошилов и Жданов выступили с речами на партийном активе Ленинграда, в которых честно признали, что положение критическое и скоро, возможно, предстоит уличные бои в городе. В связи с этим все население следовало привлечь к оборонительным работам, в том числе молодежь и подростков. *«Враг у ворот. Вопрос стоит о жизни и смерти»*, – сказал Андрей Жданов. Одновременно с этим был образован Военный совет обороны Ленинграда, которому было поручено руководство работами по строительству укреплений вокруг и внутри города, обучение населения приемам боя и увеличение выпуска вооружения и боеприпасов. Забегая вперед, следует отметить, что просуществовал сей орган всего шесть дней. Уже на следующий день Сталин, узнав об образовании «городского совета», вызвал Ворошилова и Жданова в Москву, где отчитал их. Вождь был, во-первых, возмущен тем, что это решение было принято без согласования с Госкомитетом обороны, а во-вторых, что сами Ворошилов и Жданов в Военный совет обороны Ленинграда почему-то не вошли. Ну а 30-го числа фронты были реорганизованы. Непосредственная оборона Ленинграда была возложена на Ленинградский же фронт, Военный совет которого, в свою очередь, возглавили эти же два сталинских соратника¹⁸.

Тем временем утром 21 августа было напечатано в газетах, а также расклеено по всему городу воззвание Военного совета фронта, горкома партии и Ленинградского совета. Если до этого общественность успокаивали тем, что врага к городу не подпустят, наша оборона крепка и несокрушима, то теперь власти честно признались ленинградцам в том, что ситуация катастрофическая: *«Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сыновей нашей Родины... Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы»*.

Тем временем немцы с двух сторон обошли сильно укрепленную Лугу и наступали сразу по двум направлениям: непосредственно на Ленинград, а также на северо-восток к Ладожскому озеру. 21 августа была занята станция Чудово и перерезана железная дорога Москва– Ленинград. А 30 августа при непрерывной поддержке с воздуха 39-й моторизованный корпус генерала Шмидта достиг крупного железнодорожного узла Мга. С этого момента была потеряна последняя связь Ленинграда со страной по железной дороге. В этот же день передовые немецкие части вышли к Неве у села Ивановское.

«30 августа в Смольном, в кабинете заместителя командующего фронтом адмирала И.С. Исакова, раздался телефонный звонок по обычному городскому телефону, – вспоминал инженер-капитан 3-го ранга З. Г. Русаков. – Отчаянный женский голос сообщил, что немцы в районе Ивановских порогов вышли к Неве. «Я – комсомолка», – уверяла незнакомка в доказательство своих слов и просила подтверждения, что она соединилась действительно со Смольным и, стало быть, докладывает куда нужно».

¹⁸ Павлов Д.В. Указ. соч. С. 21–22

Село Ивановское, Ивановские пороги находятся в среднем течении реки Невы, в ее излучине, почти у самого города. И все было настолько неожиданно для командования фронта, что, когда об этом сразу же доложили генералу М. М. Попову, присутствовавшему на заседании Военного совета, он с недоверием отнесся к сообщению, считая его проявлением паники или плодом обыкновенной досужей фантазии».

Чтобы проверить полученную информацию из Шлиссельбурга, на разведку были высланы два катера Ладожской военной флотилии – «морские охотники» МО-202 и МО-174. При этом на головном катере находился начальник оперативного отдела штаба флотилии капитан 3-го ранга А.Г. Лопухин. А из Ленинграда навстречу «морским охотникам» отправили только что отремонтированный бронекатер БК-97.

При подходе катеров к району устья реки Тосны с левого берега Невы по ним был внезапно открыт огонь из орудий, минометов и пулеметов. Расстрелянные в упор, катера затонули почти со всем личным составом¹⁹.

А на следующий день корабли Ладожской флотилии впервые вступили в бой с немцами, когда канонерская лодка «Селемджа», бронекатера БК-99 и БК-100 открыли огонь по берегу в районе Ивановского. Их пальба была такой интенсивной, что к исходу дня закончились снаряды. Тогда тральщик ТЩ-122 старшего лейтенанта Ф.Л. Ходова начал доставлять на корабли боезапас. В тот же день корабли флотилии получили приказ уничтожить все технические средства на левом берегу Невы, которые нельзя переправить на другой берег, удерживать разведенным Кузьминский мост (сводить его только для наших частей) и создать дозоры на Неве для противодействия попыткам противника форсировать реку.

Тем временем в ночь на 2 сентября «Хейнкели» из КГ4 «Генерал Вефер» совершили налет на Шлиссельбург. Основной удар наносился по Угольной пристани и рейду, где стояло множество различных судов. При этом часть самолетов сбрасывала на парашютах мины донные ЛМВ. Поскольку советские моряки были уже давно знакомы с этими «кадскими машинами», их падение было сразу замечено. Тральщики ТЩ-63, ТЩ-100, «антимагнитные» катерные тральщики «Коммунист» и «Комсомолец» получили приказ немедленно начать траление. Однако обнаружить мины не удалось. А уже в 8.37 2 сентября у правого берега реки напротив Угольной пристани под катером Р-34 прогремел мощнейший взрыв. В результате он быстро затонул вместе со всем экипажем. В этот же день в районе Прохоровской дачи в результате авиаудара была потоплена баржа с эвакуированными из Карелии.

3 сентября около причала в городке Новая Ладога, расположенном в устье реки Волхов, в ходе очередного налета был сильно поврежден пароход «Симферополь». При этом произошел вопиющий случай, говоривший о том, что отнюдь не все граждане в этот роковой час думали о спасении страны и Ленинграда. Среди тяжело раненных пассажиров судна оказался и известный советский государственный деятель, публицист и шахматист Александр Федорович Ильин-Женевский. Не приходя в сознание, он умер в госпитале, при этом местные героические санитары обокрали покойного, вынув у него из карманов именную револьвер, золотые часы и бумажник. Пораженная столь откровенным мародерством, жена Ильина-Женевского, известная балерина, покончила с собой.

4—5 сентября корабли Ладожской военной флотилии вместе с эсминцами и канонерскими лодками Отряда кораблей реки Невы под командованием капитана 1-го ранга В.С. Черокова, стоявшими у станции Понтонная, вели огонь по противнику в районе села Ивановского. При этом корабли подвергались постоянным ударам авиации. 5-го числа немецким летчикам удалось повредить канонерскую лодку «Селемджа». От близкого взрыва бомбы пострадала левый борт и палуба, вышла из строя часть оборудования.

¹⁹ Русаков З.Г. Нашим морем была Ладога. Л.: Лениздат, 1980. С. 51.

Фюрер ликовал и уже готовился праздновать победу. Вечером 5 сентября он провел совещание в «Волчьем логове», своей секретной гауптквартире в Восточной Пруссии, после которого начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-оберст Франц Гальдер записал в своем дневнике: *«Ленинград. Цель достигнута. Отныне район Ленинграда будет «второстепенным театром военных действий». Исключительно важное значение Шлиссельбурга. Для полного окружения Ленинграда по внешнему кольцу (до Невы) потребуется 6–7 дивизий. Сильные пехотные части сосредоточить по возможности за Невой. Окружение с востока; соединение с финнами. Танки (корпус Райнхарда) и авиация (части 1-го воздушного флота) возвращаются в прежнее подчинение. Необходимо очистить от противника побережье. Соединение с финскими войсками следует пытаться осуществить в районе Лодейного Поля»*²⁰.

Ну а в самой «достигнутой цели», то есть в Ленинграде, маршал К.Е. Ворошилов в это время отдавал всевозможные грозные распоряжения, требовал согласованных действий, стойкости, «биться, как подобает честным воинам нашей Красной Армии», но достичь перелома к лучшему так и не смог.

6 сентября 8-й авиакорпус Рихтхофена был наиболее активен. 36 Ju-88А совершили налет на Шлиссельбург. В городе было разрушено много домов, а также здание штаба Ладужской флотилии, не обошлось без многочисленных жертв. А во время эвакуации раненых красноармейцев и населения из Шлиссельбурга немецкие бомбардировщики атаковали караван из семи барж и отправили на дно три из них. При этом погибли сотни людей.

В то же время «Штуки» из StG2 наносили удары по советским войскам в районах 8-й ГЭС, Отрадного и на подступах к Шлиссельбургу. Do-17 из I./KG2 и III./KG3 поддерживали части 20-й моторизованной дивизии, а также бомбили Невскую Дубровку, Кекколово, Аннино и другие объекты на обоих берегах Невы. Всего 1-й воздушный флот выполнил в этот день свыше тысячи самолето-вылетов, из которых 600 пришлось на бомбардировщики и штурмовики²¹. При этом советская авиация ответила врагу всего 339 вылетами, из которых лишь 36 были выполнены бомбардировщиками...

Подступы к Шлиссельбургу обороняла 1-я дивизия НКВД. 6 сентября ее позиции беспрерывно подвергались авиаударам с раннего утра до позднего вечера. В результате дивизия понесла большие потери в личном составе и материальной части. На следующее утро бомбардировки возобновились с неослабевающей силой. К 11:00 8 сентября выжившие бойцы НКВД уже беспорядочно отходили. Одна группа переправилась на правый берег Невы, вторая отступила на восток. В результате к вечеру германские войска захватили Шлиссельбург. Немецкие пехотинцы и вылезшие из своих машин танкисты увидели уходящее за горизонт огромное холодное озеро. Многим это тогда показалось победной точкой в наступлении группы армий «Норд», длившемся без перерыва два с половиной месяца. Ленинград был отрезан от остальной части Советского Союза и вскоре должен был, несомненно, пасть к сапогам солдат вермахта.

Незадолго до падения Шлиссельбурга на рассвете 8 сентября гавань покинули транспорты, буксиры и баржи, которые под охраной боевых кораблей Ладужской флотилии отправились к новому месту базирования в Новую Ладогу. Штаб эвакуировался на специальном корабле «Связист» и оставался на нем до тех пор, пока не было оборудовано помещение на берегу. Одновременно в районе мыса Осиновец на западном берегу Ладоги была развернута оперативная группа штаба флотилии во главе с заместителем начальника штаба капитаном 2-го ранга Г. А. Визелем.

²⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. Смоленск: Русич, 2001. С. 314.

²¹ Хазанов Д. Б. Указ. соч. С. 264.

Несмотря на окружение, Ленинград, в силу своих специфических особенностей, был хорошо приспособлен для обороны. Рельеф дельты Невы идеально подходил для постройки полевых укреплений. А в черте города насчитывалось свыше 65 рек и каналов, которые в сочетании с гранитными набережными, массивными зданиями, превращенными в укрепленные опорные пункты, являлись мощными рубежами обороны. В городе имелась широкая сеть подземных и канализационных ходов, которые могли бы быть использованы для поддержания устойчивой связи и доставки необходимого снаряжения. Жданов и Ворошилов планировали использовать для обороны все боеспособное население. Причем в случае нехватки винтовок и пулеметов было приказано формировать рабочие батальоны, вооруженные охотничьими ружьями, гранатами, бутылками с горючей смесью, а также... саблями, кинжалами и копьями.

Глава 2. «На огонь. На Ленинград!»

Стратегические бомбардировщики Гитлера берутся за дело

В Ленинграде с самого начала войны ждали воздушных бомбардировок. В городе было сразу же введено полное затемнение, все окна зданий вскоре украсили бумажные полоски, а во дворах, скверах и на предприятиях были открыты километры щелей для укрытия. Бойцы местной противовоздушной обороны (МПВО), которые должны были следить за всеми защитными мероприятиями, а также устранять последствия налетов, круглосуточно несли дежурства на своих постах. Население неустанно учили, как прятаться в убежища и тушить зажигательные бомбы. Однако шла неделя за неделей, а никаких бомбежек все не было. Даже когда враг уже стоял у стен города.

По мнению Дмитрия Павлова, который с сентября 1941 до января 1942 года занимал должность уполномоченного ГКО по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда, отсутствие воздушных налетов сыграло весьма негативную роль: *«Большинство ленинградцев в июне – первой половине августа не знали, где точно находятся вражеские войска. Город тогда еще не подвергался бомбардировкам, и это создавало успокоительное настроение. Нужны были крутые административные меры, чтобы люди покинули город, как поведал ход развивающихся событий. Однако к таким мерам прибегали весьма осторожно. В результате в блокированном городе оказалось 2 миллиона 544 тысячи человек гражданского населения, в том числе около 400 тысяч детей. Кроме того, в пригородных районах (в кольце блокады) осталось 343 тысячи человек. В сентябре, когда начались систематические бомбардировки, обстрелы и пожары, многие тысячи семей хотели бы выехать, но пути были отрезаны»²².*

Таким образом, до начала сентября город жил, по сути, мирной жизнью и многим жителям и беженцам, несмотря ни на что, казался тыловым.

Но вот 4 сентября беда пришла оттуда, откуда не ждали. Вечером Ленинград сотрясли мощные взрывы артиллерийских снарядов. Они стали полной неожиданностью для населения. Все знали, что фронт близко, но, чтобы немцы могли стрелять по городу, как-то не верилось. Тем более, в отличие от авиационных налетов, о скором падении снарядов никакие гудки предупредить не смогли.

Как оказалось, огонь велся 240-мм фугасными снарядами с юго-востока со стороны станции Тосно. При этом стреляли не по площадям, а по военным объектам: 5-й ГЭС, станции Витебская-Сортировочная, заводам «Большевик», «Красный нефтяник» и «Салолин». На последнем в результате прямого попадания произошел пожар в водородном цехе. В течение 4–6 сентября дальнобойная артиллерия выпустила 82 снаряда преимущественно по Володарскому, Фрунзенскому и Московскому районам. При этом погибло 53 человека, еще 101 получил ранения. Авиация получила приказ обнаружить батарею, однако из-за плохой погоды сделать это оказалось невозможно.

Ну а 8 сентября настала очередь люфтваффе. Командир KG2 «Хольцхаммер» оберст Херберт Рикхофф получил приказ нанести первый удар непосредственно по Ленинграду. В 18:55 по московскому времени над городом появились 23 Do-17Z, которые сбросили на город контейнеры с зажигательными бомбами.

В результате возникло сразу 178 пожаров. Самый крупный из них полыхал на продовольственных складах имени Бадаева, которые в народе называли просто Бадаевскими, где

²² Павлов Д.В. Указ. соч. С. 81–82.

огонь полыхал на площади 4 гектара. По воспоминаниям очевидцев, пламя поднималось на сотни метров, озаряя все вокруг.

Деревянные склады были построены в 1914 году купцом Растеряевым, а затем были названы Бадаевскими в честь большевика А.Е. Бадаева, который в 1917–1920 годах руководил продовольственной кооперацией в Петрограде. После попаданий термитных «зажигалок» постройки быстро воспламенились, а поскольку разрывы между зданиями составляли всего 10 метров, огонь от одного перекидывался на соседние, превращая склады в один большой костер. На складах хранились продовольственные товары, инвентарь, запчасти и другое имущество торговых организаций Ленинграда. В результате пожара, длившегося около пяти часов, сгорело 3 тысячи тонн муки и 2500 тонн сахара-рафинада.

Ну а поздним вечером эстафету бомбардировок приняла бомбардировочная эскадра KG4 «Генерал Вефер» под командованием оберста Ханса Йоахима Рата.

Волей судьбы именно этому подразделению выпала «честь» первой начать боевые действия против Советского Союза в ночь на 22 июня 1941 года. «Хейнкели» поднялись в воздух, чтобы сбросить мины в районе Севастополя – главной базы советского Черноморского флота. К лету 1941 года эскадра была в основном вооружена самолетами «Хейнкель» He-111 модификаций H-4 и H-5. Первая отличалась более мощными двигателями Jumo 211F-2 мощностью по 1350 л. с. (у обычных He-111H – 1200 л. с.), а также замками наружной подвески бомб весом до 2 тонн. Внутренний бомбоотсек был занят дополнительным бензобаком для увеличения дальности полета. А He-111H-5 был создан специально для несения фугасной бомбы особой мощности SC2500. В штабном звене еще эксплуатировались более старые He-111P. Использование малосерийных модификаций самолетов было не случайным. KG4 была не обычной строевой частью, она специализировалась на поражении особо важных объектов бомбами крупного калибра, а также минных постановках. По сути дела, KG4 была эскадрой стратегических бомбардировщиков.

Основная часть соединения, а именно штаб, 1-я и 3-я группы, прибыли на Восточный фронт только 19 июля. Они разместились на аэродроме Проверен в Восточной Пруссии. А уже через два дня «Хейнкели» участвовали в первом массированном налете на Москву. Экипажи имели приказ сбросить бомбы большой мощности, в том числе несколько весом 2,5 тонны, на мосты в западной и северной частях города и другие военные объекты. Противовоздушная оборона советской столицы оказалась по своей мощи сопоставимой с Лондоном, который многие летчики эскадры атаковали совсем недавно. Особенно большое впечатление произвели многочисленные аэростаты заграждения, из-за которых бомбометание возможно было производить с высоты не менее 4 тысяч метров, а также большое количество прожекторов (насчитали не менее 500 штук в радиусе 30–40 километров). В результате не всем самолетам удалось точно идентифицировать и поразить свои цели. Тем не менее в целом налет прошел успешно. В Москве возникло 1166 пожаров, многие из которых полыхали до утра. При этом все «Хейнкели» благополучно вернулись на базу.

22 и 26 июля KG4 участвовала еще в двух налетах на советскую столицу. Во время последнего 65 He-111 сбросили на Москву тяжелые фугасные бомбы и порядка 150 «зажигалок» разной конструкции. Ими были полностью или частично разрушены обувная фабрика, электромашиностроительный завод «Динамо», заводы № 93, 239, ремонтная база Наркомата обороны № 1 и 10 жилых домов. 31 человек погиб, почти 300 получили ранения и контузии. Несмотря на сильный заградительный огонь, экипажи самолетов сбрасывали «груз» не по площадям, а на конкретные цели в черте города. Вылет снова прошел без потерь.

В конце июля для минирования фарватеров на Балтийском была подключена уже зарекомендовавшая себя на Северном, Средиземном и Черном морях II./KG4 майора Готтлиба Вольфа. Ее экипажи имели богатый опыт минных постановок у восточного побережья Англии, портов Александрии, Тобрука, в Суэцком канале и возле Севастополя.

Согласно первоначальным планам вскоре после этих операций вся KG4 должна была уже в августе вернуться обратно во Францию. Ее переброска на Восток считалась временной. Однако в этот период стало ясно, что операция «Барбаросса» развивается не совсем по плану. Германское командование решило сконцентрировать против Советского Союза максимум сил. Поэтому «командировка» эскадры оберста Рата затянулась на неопределенный срок, и 6 августа она была переброшена поближе к линии фронта на аэродром Коровье Село. При этом подразделение, которое первоначально выделялось только для выполнения специальных задач (налеты на Москву и минирование), стало привлекаться и к «обычным» операциям. То есть «Хейнкели» оказывали непосредственную поддержку наступающим частям группы армий «Норд», в основном сбрасывая осколочные бомбы большого калибра на позиции советских войск, транспортные колонны и линии обороны. Следует напомнить, что He-111H-4/H-5, которыми была оснащена эскадра, не имели внутренних бомбоотсеков, почему подвеска мелких бомб SC50 и SD70 была невозможна. Кроме того, «Хейнкели», совместно с пикирующими бомбардировщиками Ju-88A из KG77, наносили авиаудары по железной дороге Москва – Ленинград.

29 августа девятка He-111H из I./KG4 во главе с командиром группы гауптманом Клаусом Нёске участвовала в атаке советских транспортов, прорывавшихся из Таллина в Кронштадт. «Хейнкели» появились над Финским заливом после полудня. Они обнаружили группу из примерно 30 судов, после чего один за другим начали снижаться и заходить на цели, атакуя их с малой высоты. Лейтенант Зигфрид Рётке сбросил бомбы на уже поврежденный пароход «Вторая пятилетка». Над кормой транспорта водоизмещением 4 тысячи брт взметнулся огромный столб огня. Вода хлынула в машинное отделение, ломая переборки. Через несколько минут он на ровном киле ушел под воду в 4 милях от островка Родшер. Всего же, по немецким данным, пилоты I./KG4 потопили три судна общим тоннажем 6 тысяч брт и еще три повредили. При этом один He-111H-5 из 1-й эскадрильи получил повреждения от огня зенитной артиллерии и совершил вынужденную посадку на брюхо на аэродроме Коровье Село.

И вот в ночь на 9 сентября «Хейнкели» сбросили на Красногвардейский, Московский и Дзержинский районы Ленинграда 48 тяжелых фугасных бомб. Были разрушены главная водопроводная станция и двенадцать жилых домов, серьезно пострадали Московский вокзал и Торговый порт. Потери среди гражданского населения, по официальным данным, составили 24 человека убитыми и 122 ранеными. Одной из целей KG4 были административные здания в центральной части города.

«В вечерний налет крепко досталось району Смольного, – вспоминал генерал А. А. Новиков. – Я ехал на заседание Военного совета фронта среди дыма и горевших зданий. Кругом грохотало от взрывов бомб и стрельбы зенитных орудий, в небе лихорадочно метались лучи прожекторов. В свете их вырисовывались темные силуэты домов и дымные шапки артиллерийских разрывов. Картина была фантастическая и угнетающая. На заседание я опоздал. Когда вошел, уже шло обсуждение дел. Все были угрюмы, говорили мало и скупно – в город только что пришла тяжелая весть – гитлеровцы... захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался в блокаде». Опытные летчики KG4 в очередной раз проявили меткость. Был разрушен Дом крестьянина, находившийся всего в 100 метрах от Смольного, из которого Жданов и Ворошилов осуществляли руководство городом и обороной²³.

В результате первых двух налетов в Ленинграде возникли перебои с подачей воды и электроэнергии, перестали ходить трамваи, началась паника среди части населения.

²³ Павлов Д.В. Указ. соч. С. 52.

Войска ПВО в неудовлетворительном состоянии

Хотя в составе 2-го корпуса ПВО генерал-майора Процветкина, защищавшего «город Ленина», в общей сложности имелись 543 зенитки разных калибров, их расчеты оказались не готовы к отражению авиаударов люфтваффе. Кроме того, значительная часть батарей была переброшена на линию фронта для борьбы с немецкими танками. Система ВНОС в ходе отступления практически развалилась, а имевшиеся шесть РЛС РУС-2 еще не были полностью освоены расчетами и использовались неэффективно. Из них лишь одна контролировала юго-западный сектор, откуда обычно появлялись «чужие». При этом станция находилась на равнинной местности и могла засекаать только самолеты, летевшие на высотах не менее 1500 метров.

Большую часть парка полков 7-го ИАК ПВО составляли устаревшие и выработавшие свой ресурс И-16 и И-153 «Чайка», причем многие прошли уже четыре-пять капремонтов. Лишь в 124-м ИАП на тот момент насчитывалось девять исправных высотных перехватчиков МиГ-3, а 44-й ИАП был только что перевооружен истребителями ЛаГГ-3.

Все это позволило самолетам люфтваффе практически безнаказанно бомбить городские кварталы. С этого дня Северная столица почти непрерывно подвергалась авиаударам, причем как днем, так и ночью. В течение 9 сентября в Ленинграде восемь раз были сирены воздушной тревоги, а затем в ночь на 10 сентября последовал новый налет силами 20 бомбардировщиков. На этот раз в городе возникли 80 очагов пожаров, были разрушены кондитерская фабрика и Ждановская судостроительная верфь, одна мина ВМ1000, чей взрыватель был установлен с замедлением, взорвалась на Кировском заводе.

В течение 10 сентября на город, по данным службы МПВО, было сброшено 69 тяжелых фугасных бомб и около 1800 зажигательных. При этом впервые были применены «зажигалки» крупного калибра Brand C50A, начиненные смесью нефти, бензина, чистого каучука (или полистирена) и фосфора. Данная горючая смесь имела огромную температуру горения и в то же время не поддавалась тушению водой. Часть мелких килограммовых бомб была оснащена гранатками, дававшими взрыв в конце горения, что приводило к потерям среди бойцов МПВО и граждан, которые, согласно распространенным инструкциям брали их клещами и опускали в бочки с водой или песок. На сей раз в городе возникло 28 пожаров и 55 мелких загораний. Много зажигательных бомб снова упали на уцелевшие склады имени Бадаева, где сгорело три корпуса, один с запчастями для машин и два пустых. За два дня погибло 84 человека, еще 622 получили ранения и контузии²⁴.

Всего с 8 по 15 сентября на Ленинград, по советским данным, были сброшены 418 фугасных и 11,5 тысячи зажигательных бомб. За это же время немецкая дальнебойная артиллерия выпустила по городу 550 снарядов, в основном калибром 210 и 240 миллиметров²⁵.

Бомбардировщики прикрывали истребители Vf-109F из JG54 «Грюнхерц» майора Ханнеса Траутлофта, известного аса, одержавшего к тому моменту 58 воздушных побед, в том числе пять еще в небе Испании. С 5 сентября эскадра в полном составе действовала с аэродрома около станции Сиверская, расположенной всего в 67 километрах к югу от центра Ленинграда. Кроме того, с 6 сентября на аэродроме Любань, в 85 километрах юго-восточнее города, базировались «Мессершмитты» из III./JG27 гауптмана Макса Добислава.

Командование 7-го ИАК ПВО и ВВС КБФ бросало в бой все, что было под рукой, чтобы хоть как-то помешать бомбардировкам города. Как над самим Ленинградом, так и

²⁴ Павлов Д.В. Указ. соч. С. 52.

²⁵ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: АСТ, 2004. С. 681.

над его окрестностями шли ожесточенные бои между истребителями, в ходе которых обе стороны теряли своих лучших летчиков.

Так, 9 сентября в бою с ЛаГГ-3 из 44-го ИАП в районе поселка Красное Село был подбит Вф-109F-2 командира 5-й эскадрильи JG54 гауптмана Хуберта Мютериха. Немецкий пилот попытался совершить вынужденную посадку, но, вероятно, не справился с управлением. «Мессершмитт» разбился, и Мютерих, на чьем счету к этому моменту числилось 43 победы, погиб. В то же время «Мессершмиттами» был сбит ЛаГГ-3 командира звена 5-го ИАП ВВС КБФ старшего лейтенанта М.И. Багрянцева. До своей гибели советский летчик успел одержать несколько побед, в том числе 19 июля он на истребителе И-16 протаранил Ju-88А, после чего благополучно совершил вынужденную посадку. На следующий день жертвой кого-то из пилотов JG54 стал старший лейтенант Алексей Сторожаков из 154-го ИАП, один из лучших советских асов, действовавших в районе Ленинграда. На его счету на тот момент числилось восемь личных и три групповые победы.

17 сентября командир JG54 майор Траутлофт решил перейти от вылетов на непосредственное сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков к активным действиям по поиску и уничтожению советских истребителей в районе Ленинграда. Новая тактика немедленно дала результаты: 1-й эскадрилья сбивала два И-16, а 7-я эскадрилья и штабное звено 3-й группы – восемь МиГ-3 и ЛаГГ-3. Отличился фельдфебель Карл Хайнц Кемпф, который в ходе двух вылетов одержал пять побед²⁶. В тот день среди погибших советских летчиков был двадцатипятилетний младший лейтенант Е.П. Новиков из 197-го ИАП 7-го ИАК ПВО, чей И-16 был сбит в районе Красного Села. К этому времени на его счету числилось восемь личных и две групповые победы. И затем ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Советская авиация несла тяжелые потери и к середине сентября находилась в плачевном состоянии. *«Мною принято на Ленинградском фронте всего 268 самолетов, из них исправных только 163, – сообщал в Москву новый командующий Ленинградским фронтом генерал Жуков. – Очень плохо с бомбардировщиками и штурмовиками. Имеется шесть Пе-2, два Ил-2, два Ар-2, одиннадцать СБ. Такое количество не обеспечит выполнения задачи. Очень прошу товарища Сталина дать хотя бы один полк Пе-2, один полк Ил-2».*

Немцы довольно хорошо знали о результатах воздушных налетов на Ленинград. В донесении разведывательного отдела 18-й армии, составленном 16 сентября, говорилось, что наиболее сильно пострадали от бомбардировок восточная и юго-восточная части города: *«В Володарском районе расположено большое количество военных предприятий, одно крупное нефте- и бензохранилище, большие автопредприятия, мыловаренные и бумагоделательные фабрики. Кроме того, также там находятся основные запасы хлеба и мяса. Хлебозавод, расположенный на углу Шлиссельбургского проспекта и проспекта 25-го Октября, а также находящийся поблизости от Кировского завода мясокомбинат (у Варшавского вокзала) отчасти разрушены, отчасти выгорели. Большой склад продовольствия «Бадаевские склады», расположенный на Большой Неве, горит день и ночь. Из-за многочисленных разрушений жилых домов, промышленных предприятий и складов продовольствия в Володарском районе было, по-видимому, принято решение эвакуировать население этого района на Васильевский остров...»²⁷*

Между тем обстановка на сухопутном фронте продолжала ухудшаться. Не предпринимая решительного штурма Ленинграда, немцы и финны все туже затягивали петлю вокруг него. 12 сентября были захвачены Слуцк и Красное Село, а через пять дней танки вермахта вышли на берег Финского залива в районе Стрельны и Урицка. Отсюда до центра Ленин-

²⁶ Weal J. Jagdgeschwader 54 «Grunherz» Osprey Aviation. Great Britain, 2001. P. 167.

²⁷ Хазанов Д.Б. Указ. соч. С. 266.

града оставалось всего 14–15 километров по прямой. Солдаты могли невооруженным глазом видеть окраины города, заводские трубы, порталные краны верфей и купол Исаакиевского собора. Вскоре пали Пушкин и Петергоф. Тем временем финны продвигались вдоль восточного берега Ладожского озера и 5 сентября взяли Олонец. Через два дня их передовые части вышли на реку Свирь. 12-го числа финские войска форсировали Свирь и заняли Подпорожье. Здесь союзники Германии остановились, ожидая скорой встречи с немецкими войсками.

В самом Ленинграде жители день и ночь готовили кварталы к уличным боям. На улицах и перекрестках были возведены баррикады и противотанковые препятствия длиной 25 километров, построено 4100 дотов и дзотов, в зданиях оборудовано свыше 20 тысяч огневых точек. Заводы, мосты и общественные здания были заминированы и по сигналу должны были взлететь на воздух. Развешанные по всему городу листовки призывали жителей биться за каждый дом и двор²⁸. А новый командующий Ленинградским фронтом генерал Жуков в свойственной ему манере отдавал приказы о расстрелах паникеров и трусов. «... *Объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющим указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армий указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу*», – говорилось в одном из них²⁹.

Однако главной угрозой по-прежнему оставались воздушные налеты. Группировка люфтваффе под Ленинградом была усилена. 17 сентября на аэродром Сиверская, где уже базировалась JG54 майора Траутлофта, прибыли штаб KG77 оберст-лейтенанта Йоахима Райтеля, 1-я группа гауптмана Йоахима Пёттера и 2-я группа гауптмана Дитриха Пельтца, оснащенные пикирующими бомбардировщиками Ju-88A. Это позволило немцам значительно увеличить мощь ударов по «городу Ленина».

Пятница, 19 сентября, стала одним из тяжелейших дней, пережитых ленинградцами. Тогда из 500 самолетовылетов, выполненных бомбардировщиками и штурмовиками 1-го воздушного флота, около 170 пришлось непосредственно на город. В течение суток люфтваффе совершили четыре налета на Ленинград, а затем ночью – еще два. Первыми около 8:00 по берлинскому времени в воздух поднялись 28 «Юнкерсов» из I./KG77, которые в сопровождении «Мессершмиттов» с зелеными сердцами на фюзеляжах направились к Ленинграду. При этом основным ориентиром для экипажей была Октябрьская железная дорога, выведившая их точно к центру города. Затем удары нанесли остальные группы эскадры, к которым присоединились Ju-87R из I./StG2 майора Хубертуса Хичхольда и III./StG2 гауптмана Эрнста Зигфрида Штеена, Vf-110 из ZG26 «Хорст Вессель».

Всего на город было сброшено свыше 500 фугасных и около 3 тысяч зажигательных бомб. В результате были разрушены Гостиный Двор, госпиталь на Суворовском проспекте и 80 жилых домов. Получили сильные повреждения заводы «Экономайзер», «Пролетарский» и «Кировский», а также оперный театр. Погибли, по разным данным, от 540 до 700 человек, сотни других получили ранения и контузии. При этом наибольшее число жертв было вызвано попаданием фугасных бомб крупного калибра в упомянутый госпиталь. «*Обрушились перекрытия верхних этажей, и под их обломками оказалось много раненых, – вспоминал Дмитрий Павлов. – Это была душераздирающая трагедия. Вокруг горящего госпиталя воздух был настолько раскален, что в соседних домах вспыхивали оконные переплеты, пожар грозил охватить целый район*»³⁰. О масштабах налетов говорит тот факт, что в лик-

²⁸ Павлов Д.В. Указ. соч. С. 34.

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 112. Л. 144.

³⁰ Павлов Д.В. Указ. соч. С. 52–53.

видации последствий бомбежек участвовали 103 пожарных автонасоса, 70 медико-санитарных машин и 18 тысяч бойцов МПВО!

Летчики и зенитчики 2-го корпуса ПВО заявили в общей сложности о 19 якобы сбитых «стервятниках». Однако на самом деле в этот день 1-й воздушный флот люфтваффе лишился только пяти самолетов, при этом непосредственно над Ленинградом был подбит только Ju-88A W.Nr. 8034 из I./KG77, ставший жертвой истребителя МиГ-3. Экипаж «Юнкерса» покинул падающую машину уже над расположением немецких войск и, опустившись на парашютах, вскоре вернулся на аэродром Сиверская.

Таким образом, действия войск противовоздушной обороны оказались совершенно бесполезными. Оргвыводы не заставили себя долго ждать. Командир 2-го корпуса ПВО генерал-майор М. М. Процветкин и начальник штаба полковник В.М. Добрянский были сняты со своих должностей «за неудовлетворительное состояние войск противовоздушной обороны» и необеспечение защиты «колыбели революции».

Всего две недели прошло с тех пор, как на Ленинград упали первые снаряды. А как многое изменилось за это время. До этого фактически остававшийся мирным тыловым городом Ленинград превратился в передовую, где каждый день рвались снаряды, взрывались бомбы, горели пожары и постоянно пахло гарью. И каждый день шли похороны очередных погибших, только не солдат в военной форме, а чаще мирных жителей, женщин и детей. Где люди, еще недавно смело гулявшие по улицам, в ужасе отсиживались в подвалах и траншеях, молясь, чтобы очередная бомба не упала прямо на них. Где все чаще ползли самые зловещие слухи о грядущих бедствиях, тысячах немецких шпионов и о том, что будет, если придут немцы. Пресса и радио скрывали от населения истинные последствия бомбардировок, но от этого было только хуже. Новости передавались в трамваях, на базарах, в очередях из уст в уста, причем в искаженном и зачастую сильно преувеличенном виде.

После 19 сентября уже никто не питал иллюзий относительно «надежной» ПВО, все понимали, что для города на Неве настали самые черные дни в его истории. Однако в следующую неделю неожиданно-негаданно наступило затишье. Дело в том, что, когда немцы и финны близко подошли к Ленинграду, они столкнулись с неожиданной проблемой. А именно с огнем корабельных орудий. После эвакуации Таллина 28–29 августа все оставшиеся корабли Балтийского флота сосредоточились в Кронштадте и с начала сентября начали систематические обстрелы побережья. Так, в ночь на 4 сентября легкий крейсер «Киров» открыл огонь по финским войскам на Карельском перешейке, значительно замедлив наступление на Сестрорецк. С 5 сентября к стрельбе подключился линкор «Октябрьская революция», затем линкор «Марат», крейсер «Максим Горький», лидер «Ленинград» и эсминцы. И даже недостроенный тяжелый крейсер «Петропавловск», паливший из двух башен главного калибра прямо из Торгового порта Ленинграда.

После многочисленных жалоб из 18-й армии и от финских войск командование 1-го воздушного флота приняло решение нанести удар по кораблям и военно-морской базе на острове Котлин. 16 сентября «Штуки» из StG2 «Иммельман» повредили линкор «Марат». А вечером 19-го числа «Хейнкели» из 5-й эскадрильи KG4 бомбили Кронштадт.

Ну а 21 сентября начались массированные налеты пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков, продолжавшиеся без перерыва в течение недели. Через два дня все ленинградцы услышали взрыв страшной силы, а затем в небо над Финским заливом поднялся громадный столб дыма, который был отчетливо виден за десятки километров. Так погиб линейный корабль «Марат», ставший жертвой Ju-87 известного аса обер-лейтенанта Ханса Ульриха Руделя. Кроме того, немцы потопили лидер «Минск», эсминец «Стережущий», подводную лодку М-74, тральщик ТШ-31 «Озерный» и несколько вспомогательных и судов и транспортов. Линкор «Октябрьская революция» и четыре эскадренных миноносца получили

тяжелые повреждения³¹. Вскоре уцелевшие корабли стали перебазироваться в Ленинград, в устье Невы.

В то же время авиаудары по Ленинграду тоже продолжались, хотя и меньшими силами. 25 сентября сильно пострадали заводы «Красная заря», Кировский, а также Балтийский и Витебский вокзалы и ряд других объектов. Неоднократно бомбили Смольный и здание НКВД на Литейном проспекте. Сами они не пострадали, хотя близлежащие кварталы получили значительные разрушения.

Тем временем срок, на который группе армий «Норд» и 1-му воздушному флоту были временно переданы подразделения с центрального участка фронта, подходил к концу. Вермахт готовился к решающему наступлению на Москву. Однако командующий группой армий фельдмаршал Лееб и командующий флотом генерал Келлер всячески оттягивали переброску подразделений и неоднократно ходатайствовали об изменении сроков. И если 41-й моторизованный корпус давно убыл, то 8-й авиакорпус и подчиненные ему эскадры продолжали действовать под Ленинградом. Сроки передислокации большинства подразделений были сдвинуты с первоначальной даты 23 сентября на 25-е, а затем на 28 сентября. Это позволило 1-му воздушному флоту за неделю выполнить еще 3500 самолето-вылетов³².

27 сентября наряду с последним ударом по Кронштадту было выполнено три налета на Ленинград. Воздушная тревога в городе объявлялась в 8:22, 12:30 и 17:21. На город было сброшено около 200 фугасных бомб, погибло 28 человек, и свыше 100 получили ранения. При этом истребители блокировали аэродромы ПВО Манушкино, Углово, Левашово и Комендантский, не давая взлетать перехватчикам. Однако отдельным истребителям 7-го ИАК и 61-й авиабригады ВВС КБФ все же удалось подняться в воздух. Советские летчики заявили о пяти сбитых самолетах. В действительности два Vf-109 из I./JG54 столкнулись в ходе боя с советскими истребителями над Красным Селом и разбились вместе с летчиками, еще один «Мессершмитт» был уничтожен на аэродроме Сиверская в результате штурмового удара. Зенитчики подбили один Ju-88 из II./KG76, который потерпел аварию в ходе аварийной посадки на своем аэродроме³³.

Темная пучина

После окружения Ленинграда положение огромного города и вправду стало критическим. Оставалось одно – снабжать город водным путем, через коварное и мрачное Ладожское озеро. Охрану и противовоздушную оборону конвоев, пересекавших его, выполняла Ладожская военная флотилия. В августе 1941 года в нее входили 66 кораблей и катеров. Основную ударную силу составляли восемь канонерских лодок – «Бира», «Буря», «Нора», «Олекма», «Селемджа», «Лахта», «Сестрорецк» и «Шексна», вооруженных 76-, 100- и 130-мм орудиями, а также 37- и 45-мм зенитками. Все они, за исключением «Шексны» – бывшего финского ледокола «Ааллакс» водоизмещением 150 тонн, – были переоборудованными грунтовыми шаландами.

Интересно, что пять из них – «Бира», «Буря», «Нора», «Олекма» и «Селемджа» – были построены самими немцами в 1939–1941 годах по заказу советского правительства на судовой верфи Deutsche Werft AG в Гамбурге. До войны они использовались в составе Балтфлота, подчинявшегося управлению Спецгидростроя НКВД. Теперь эти корабли с экипажами по 110 человек неофициально называли не иначе как «ладожскими линкорами». И

³¹ Подробнее о налетах на Кронштадт рассказано в кн.: Стратегические операции люфтваффе. От Варшавы до Москвы. 1939–1941 (М.: Центрполиграф, 2012).

³² Хазанов Д.Б. Указ. соч. С. 269.

³³ Weal J. Op. cit. P. 209.

действительно, в масштабах озера импровизированные канонерки выглядели внушительно. Длина их корпуса была 60 метров, а ширина – 12 метров, они имели полное водоизмещение 1140 тонн и развивали скорость от 6 до 8 узлов.

«Лахта» и «Сестрорецк» также были переоборудованы из грунтовозных шаланд, однако еще дореволюционной постройки. Учитывая их почтенный возраст, их вскоре вывели из состава канонерской флотилии, разоружили и переоборудовали в обычные транспорты.

Кроме того, в составе Ладожской военной флотилии имелись два крупных сторожевых корабля «Конструктор» и «Пурга», шесть катеров типа «МО», 2 бронекатера, 16 тральщиков и другие суда. «Конструктор» являлся старым паровым миноносцем постройки 1906 года, успевшим послужить во флоте царской России под своим первоначальным названием «Сибирский стрелок». Он был вооружен тремя 100-мм и двумя 45-мм орудиями. «Пурга» же была современным боевым кораблем постройки 1936 года. Сторожевик имел длину 71 метр, водоизмещение 600 тонн и был вооружен двумя 102-мм орудиями, двумя 37-мм полуавтоматическими зенитками и одним торпедным аппаратом. Это был самый быстроходный корабль на Ладоге, способный развивать скорость до 21 узла. Экипаж «Пурги» насчитывал 114 человек.

Для перевозок по озеру в распоряжении Северо-Западного речного пароходства (СЗРП) имелось в общей сложности около 120 судов, но что это были за суда! 5 озерных и 72 неуклюжих речных буксира, 49 озерных и речных деревянных барж. Большинство из них не предназначались для плавания по таким крупным водоемам, как Ладожское озеро, особенно в условиях осенних штормов.

Однако прежде предстояло еще определить места выгрузки – погрузки. Единственным подходящим местом на западном берегу озера являлся район мыса Осиновец. Здесь был густой смешанный лес, который позволял скрыть от воздушной разведки и бомбардировщиков склады, грузы, подъездные пути и средства противовоздушной обороны. Рядом с Осиновцем находилась конечная станция Ириновской ветки Октябрьской железной дороги – Ладожское Озеро. Движение автотранспорта и людей от озера до станции также маскировалось кронами деревьев.

Но возникали и очевидные трудности. Берег в Осиновце песчано-каменистый, низкий, поэтому даже мелководные суда не могли подходить близко к побережью. Старая каменная дамба, сооруженная из булыжника, ограждала от волн небольшую гавань. Однако из-за обмеления вход в нее был возможен только для судов с незначительной осадкой. При этом какие-либо причальные погрузочно-разгрузочные сооружения отсутствовали.

«Если с берега в районе Осиновецкого маяка смотреть на восток, открывается бескрайняя гладь Ладожского озера, – вспоминал З.Г. Русаков. – Но «простор» этот обманчив. Каждый корабль мог совершать свой путь, в особенности при подходах к портам, только по единственному извилистому фарватеру, ширина которого не превышала 20–25 метров, а глубина – не более 2,5–5 метров. А в условиях штормовой Ладоги выполнить это трудно. Малейшее отклонение от курса – и корабль сядет на мель или наткнется на какое-либо опасное подводное препятствие.

Путь по открытой части озера – от Новой Ладоги на восточном берегу до Осиновца на западном – протяженностью 115 километров был опасен для тихоходных судов еще и тем, что он проходил в непосредственной близости от позиций противника.

Вход в реку Волхов из озера на бере (подводной отмели) имел глубину всего 1 метр 60 сантиметров, поэтому к причалам в Новую Ладогу могли подходить только речные бук-

сиры. *Остальные транспорты и баржи загружались на внешнем рейде с речных мелкоосидящих барж и плашкоутов»³⁴.*

12 сентября в порт Осиновец прибыли две баржи, доставившие туда 800 тонн зерна. Это был первый рейс с грузами для осажденного Ленинграда. В тот же день сторожевой корабль «Пурга» доставил в Осиновец 60 тонн боеприпасов. Так началось функционирование так называемой Дороги жизни, в действительности ставшей для многих дорогой смерти...

Никаких «портов» в прямом смысле этого слова поначалу на берегах озера не существовало. Имелись лишь пристани, рассчитанные на прием одного-двух транзитных пароходов. Из-за малых глубин тяжелогруженные баржи не могли подойти к берегу. Поэтому грузы приходилось перегружать на лодки или попросту сбрасывать в воду, а потом вручную тащить на сушу. В связи с этим в Осиновце в спешке начались работы по сооружению порта. К счастью, под рукой оказалось три исправных земснаряда, один из которых отправили в бухту Морье.

Тем временем удары авиации продолжались. 11 сентября немецкие самолеты подвергли бомбежке строящиеся причалы, а 15 сентября атаковали земснаряд «Северо-Западный-7». На судне была выведена из строя паровая машина, многие члены команды получили ранения. Тем не менее матросам удалось залатать пробоины, устранить повреждения и вскоре ввести земснаряд в строй.

В тот же день – 15 сентября – самолет-разведчик люфтваффе обнаружил в Ладожском озере караван из трех барж, приближавшийся к западному побережью. С аэродрома Тирково, расположенного южнее города Луга, были срочно высланы несколько Ju-87 из III./StG2 «Иммельман» гауптмана Штеена, которые застали баржи уже во время выгрузки в Осиновце. Опытные пилоты «Штук» не промахнулись, все три судна были пущены на дно вместе с 3 тысячами тонн пшеницы.

«С буксира успели передать сигнал бедствия, и к месту трагедии поспешил сторожевой корабль «Конструктор», – писал потом С.Г. Русаков. – Находившийся на нем инспектор главного политуправления ВМФ А.Т. Караваев вспоминал: «Когда мы на «Конструкторе» прибыли в район бомбежки, нам открылась ужасная картина. Баржи были разбиты. За их обломки и плавающие мешки с мукой держались окоченевшие люди, по которым с бреющего полета вели огонь из пулеметов фашистские самолеты... Комендоры «Конструктора» открыли стрельбу по самолетам из всех пушек и спаренных зенитных пулеметов. Гитлеровцы улетели».

После этого команда сторожевика приступила к спасательным работам. Большие волны мешали спускать шлюпки и подходить к обломкам барж. Тогда моряки стали привязывать спасательные круги к пеньковым тросам и бросать их в гуцу людей. Попадали редко, посему народ продолжал тонуть. Изнеможенные люди один за другим исчезали в темной пучине. В итоге удалось спасти лишь несколько человек. На следующее утро часть тел погибших вместе с мешками с мукой прибило к берегу в 10 км западнее Новой Ладого»³⁵.

16 сентября самолеты люфтваффе параллельно с атаками кораблей Балтийского флота в Финском заливе потопили на Ладожском озере сторожевой катер КМ-12, а также одну из барж с эвакуированным населением, которую тянул буксир «Орел».

О том, в каком напряжении в те дни работала Дорога жизни, свидетельствуют записи из доклада командира канонерской лодки «Селемджа» капитана 3-го ранга М.И. Антонова:

«16. IX.41 года. 21. 00. Рейд Новая Ладоба. Подали для буксировки в Осиновец баржу с грузом 400 тонн муки и 460 бойцов пополнения войскам Ленфронта.

³⁴ Русаков З.Г. Указ. соч. С. 60.

³⁵ Русаков З.Г. Указ. соч. С. 62.

22.00 часов. Снялись с якоря курсом на Осиновец.

17. IX. 3 часа 25 минут. Сила ветра дошла до 6 баллов. Сорвана крышка люка трюма. Течь воды в трюме – 3 часа 50 минут. Шквал силой ветра до 9 баллов. Волна на барже ломает кнехты, корпус трещит, вода в трюмах прибавляется. Люди с баржи просят помощи. Слышна стрельба из винтовок.

Подтянуть баржу, чтобы снять людей, невозможно. Крен достигает 35 градусов. Буксирные троса лопнули. Баржу понесло к берегу к банке Северная Головешка. Приказал барже отдать якорь. Остался держаться до рассвета.

С рассветом, кроме осколков от баржи и плавающих мешков муки, в районе Северная Головешка ничего нет.

Одновременно канлодка отражала налеты авиации»³⁶.

Надо сказать, что путь грузов для Ленинграда был весьма долгим и сложным. Северо-западные районы России издревле являлись глухими и безлюдными. Однообразный ландшафт, вечно хмурое небо, глухие леса, топи и болота лишь кое-где прорезались дорогами. Незначительно улучшилась ситуация с коммуникациями и к середине XX века. Сначала грузы поступали по железной дороге на станцию Волховстрой-1. Отсюда вагоны подавались на пристань Гостинополье, где грузы вручную перетаскивали на речные баржи. Оттуда небольшие буксиры с потугами тащили баржи в устье реки Волхов – в Новую Ладугу. Тут происходила перевалка грузов на озерные суда.

При этом пристань в Новой Ладоге находилась в полузаброшенном состоянии, ее причальная линия была короткой и необорудованной. Судовых кранов не было, а подъездные пути требовали ремонта. Озерные баржи приходилось загружать на значительном расстоянии от берега, по глубине осадки они не могли войти в устье Волхова³⁷.

Трасса Новая Ладога – Осиновец имела протяженность 115 километров. При этом боевые корабли, охранявшие транспорты, сами были доверху загружены и к тому же играли роль буксиров. А по прибытии в Осиновец грузы на телегах и грузовиках, а часто и на людях доставляли на станцию Ладожское озеро, которая была конечной на Ириновской железной дороге. Там они перегружались в вагоны и следовали на противоположную «конечную» – Финляндский вокзал в Ленинграде. Никакой техники и механизации в местах перевалок не было. Вся тяжесть погрузочно-разгрузочных работ лежала на плечах людей, непригодных после ранения к несению службы на фронте, – так называемых нестроевиков. Значительную часть огромного контингента грузчиков составляли девушки. Стоит ли говорить, насколько трудоемкой была эта работа, особенно в условиях осенних дождей, холода и приближающейся зимы!

Ладожская водная коммуникация сама по себе была экстремальной. Озеро является крупнейшим в Европе и одним из самых глубоких водоемов этого типа на планете. Еще у средневековых торговцев и путешественников Ладога считалась опасным и гиблым местом. Штормы с волнами высотой 5–6 метров здесь повседневная обыденность. Поэтому наспех организованная переправа с самого начала действовала с большими потерями. Путь занимал в среднем 16 часов, причем плавать по свирепому озеру приходилось в основном в темное время суток, дабы сократить потери от ударов авиации.

Крупнейшая трагедия произошла в ночь на 17 сентября, когда старый буксир «Орел» потянул деревянную баржу № 725, переполненную беженцами и военными. По самым скромным подсчетам, на полусгнившую баржу уселись более 1200 человек. Уже в начале пути на озере разыгрался шторм, и в районе банки Северная Головешка старый корпус баржи не выдержал ударов волн и проломился. Баржа начала постепенно погружаться в воду. Пас-

³⁶ Русаков З. Г. Указ. соч. С. 63.

³⁷ Павлов Д.В. Указ. соч. С. 135–136.

сажиры один за другим смывались за борт и тотчас исчезали. Некоторые пытались спастись вплавь, но тоже гибли. Холодные темные волны забирали все новые жертвы. Отчаяние людей дошло до того, что один офицер, эвакуировавшийся с семьей, сначала застрелил свою дочь и жену, а потом застрелился сам. К тому же в разгар катастрофы начался налет германской авиации. В результате близких разрывов бомб баржа получила дополнительные повреждения. От нее отломилась рубка и часть верхней палубы. Тем не менее оставшийся остов в притопленном состоянии продолжал путь к спасительному восточному ладожскому берегу. Владимир Солонцов, спасавшийся на крыше рубки, вспоминал об этих ужасных минутах: *«Находясь на крыше, я сразу не понял, что этот водяной вал сорвал рубку с палубы и вынес ее за борт. Никто не мог даже предположить такого варианта. Рубка стала быстро погружаться почти без крена. Кричали оставшиеся на палубе люди. В рубке все было как-то тихо – женщины и дети, вероятно, в первый момент даже не поняли, что случилось. Рубка ушла на дно меньше чем за минуту, и, когда вода хлынула в нее, матери скорее всего успели лишь прижать детей к себе. Их личная борьба за жизнь была проиграна... Это были страшные мгновения в моей жизни. Я – сильный мужчина – стоял на уходившей под воду рубке и ничего не мог сделать для спасения людей. Когда вода дошла до пояса, я оттолкнулся и поплыл в сторону «Орла». Трудно сказать – за какое время, но мне все же удалось добраться до буксира. Матрос бросил мне веревку и помог подняться на палубу».*

Когда баржа окончательно скрылась под водой, буксир «Орел» и оказавшаяся неподалеку канонерская лодка «Селемджа» начали спасение оказавшихся в холодной воде людей. Всего ими были подобраны около 240 пассажиров.

Одновременно на помощь устремился тральщик ТЩ-122 под командованием старшего лейтенанта Ф.Л. Ходова. Этот «боевой» корабль, наскоро переоборудованный из списанного буксира, сам едва перекачивался с волны на волну. Принадлежавший до войны речному пароходству, этот двухвинтовой плоскодонный буксирный пароход «Сом», постройки 1913 года и мощностью 340 л. с., после мобилизации стал военным кораблем. В годы гражданской войны «Сом» отличился во время Видлицкой десантной операции. 27 июня 1919 года, в 9:50, вместе с пароходом «Гарибальди» он подошел вплотную к берегу и на шлюпках под ружейным огнем финнов высадил десант моряков.

На рассвете 17 сентября, узнав от командира дивизиона канонерских лодок капитана 2-го ранга Н. Ю. Озаровского о том, что на разбитой штормом барже терпят бедствие люди, Федор Ходов принял решение идти к месту катастрофы. В 16:00 17 сентября моряки тральщика увидели впереди обломки разбитой баржи. В волнах разбушевавшейся стихии на них держались обессиленные, окоченевшие от холода люди.

Спустить шлюпку при девятибалльном шторме оказалось нереально, посему матросы обвязывались тросами и прыгали за борт, вытаскивая пострадавших. В итоге героическими усилиями удалось спасти еще 130 человек.

Но и положение самого ТЩ-122 стало критическим. От ударов волн разошлись швы, вода начала затоплять котельное отделение. Ходов немедленно взял курс прямо на берег, дабы в крайнем случае выброситься на мель. Так, борясь со стихией, корабль проваландался до рассвета. Однако дойти до берега ему все же не дали.

Моряки и сидевшие на палубе пассажиры с баржи № 725 с ужасом увидели, как из облаков вывалились четыре самолета. Никто не питал иллюзий, надеясь увидеть истребители со звездами. Все знали, что над Ладогой летают только одни свастики. Матросы в отчаянии открыли огонь из единственной 45-мм зенитки и пулемета. Но самолеты как ни в чем не бывало продолжали пикировать на тральщик. Две бомбы взорвались рядом с ним, подняв огромные фонтаны воды, но две другие попали точно в цель. Взрыв буквально вырвал кусок левого борта. ТЩ-122 начал быстро погружаться, вскоре под воду ушла палуба, но потом последовал глухой удар – тральщик сел на грунт.

Бомбардировщики улетели, а уцелевшие члены экипажа и спасенные с баржи пассажиры, ухватившись за рубку, трубу и мачту, стали дожидаться своей участи. Периодически кто-то терял сознание, сползал в воду и тотчас исчезал из вида. Остальные молились, чтобы помощь пришла. В конце концов через тринадцать часов к затонувшему тральщику подошли канонерская лодка «Нора» и озерный буксир «Морской лев», которые спасли уцелевших матросов и нескольких беженцев. Таким образом, около тысячи пассажиров баржи № 725 нашли смерть в холодных ладожских водах. Также погибли 13 моряков из команды тральщика, в том числе помощник командира лейтенант Ростовцев и механик-воентехник 2-го ранга Мишуков. Часть моряков – из числа направившихся к берегу вплавь и на небольшой шлюпке – пропала без вести...

В ту же ночь на 17 сентября затонули пароходы «Козельск», «Войма» и «Мичурин», огромные волны выбросили на камни пароход «Ульяновск». Это были отнюдь не единичные случаи. Штормы и бомбежки выводили из строя одно судно за другим. В итоге всего через две недели после начала водных перевозок на плаву остались лишь девять озерных и тринадцать речных барж.

В то же время суда продолжали подвергаться ударам авиации. 26 сентября самолеты 1-го авиакорпуса люфтваффе, совершившие в тот день очередной налет на Кронштадт, подвергли также бомбежке цели на побережье Ладоги, в районе местечка Ваганово, расположенного в 5 километрах южнее поселка Ладожское Озеро, а также суда на подходе к Осиновецкой гавани.

И все же в первый месяц блокады действия люфтваффе над озером носили в основном эпизодический характер. Зато в октябре, в полной мере оценив значение новой коммуникации, немцы приступили к систематическим ударам.

4 октября спасательный корабль «Водолаз» и пароход «Сталинец» отправились на поиски очередной терпящей бедствие в озере баржи. На Ладоге бушевал шторм, и огромные серые волны бились о борта судов. Несмотря на долгие поиски, обнаружить место кораблекрушения так и не удалось, причем корабли при этом сами потеряли друг друга из виду. Вскоре «Сталинец» повернул обратно в Новую Ладогу, а «Водолаз» продолжал поиски. Около 21:00, несмотря на плохую погоду, в районе Северной Стрелковой банки из темных облаков вывалился двухмоторный самолет и над самыми волнами пошел прямо на судно.

Вскоре над «Водолазом» с ревом пронесся пикирующий бомбардировщик Ju-88A, сбросив четыре бомбы. Первая пробилась насквозь спасательную шлюпку и взорвалась в котельном отделении, две другие попали в корму. Корабль сразу же начал валиться на правый борт и стал погружаться в мрачные бушующие воды. Пар из котла со зловещим свистом вырывался в воздух, словно предсмертный вопль. Уцелевшая часть команды кое-как спустила оставшуюся шлюпку и немедленно отчалила, остальные прыгали прямо в воду. После этого «Водолаз» затонул вместе с капитаном В.С. Зениным. Однако испытания на этом не закончились. «Юнкерс» развернулся и со второго захода обстрелял шлюпку и плавающих в воде людей. Оставшиеся в живых шесть человек с большим трудом довели лодку до берега. Более 60 матросов поглотило ненасытное озеро...

5 октября немецкие бомбардировщики добились крупных успехов на Ладожском озере. Сначала они атаковали и повредили канонерскую лодку «Олекма», которая обстреливала позиции финских войск в районе поселков Верхние и Нижние Никулясы, приблизительно в 37 километрах севернее поселка Ладожское Озеро. Повреждения, полученные канонеркой, оказались настолько тяжелыми, что на следующий день она затонула около мыса Марьин Нос.

В тот же день «Юнкерсы» из специализированной авиагруппы KGr.806 майора Рихарда Линке совершили налет на порт Осинец. Летчики последней имели богатый опыт ударов по кораблям Балтийского флота в Рижском заливе, возле Моонзундского архипелага

и в Финском заливе во время Таллинского перехода. Ими были потоплены эсминцы «Сердитый», «Карл Маркс», тяжело повреждены эсминец «Энгельс», «Страшный» и «Суровый», а также отправлены на дно многие другие мелкие боевые корабли и транспортные суда. Поэтому нет ничего удивительного в том, что командование 1-го воздушного флота поручило налеты на порт Осиновец и корабли в Ладожском озере именно KG.806. Потопленная 5 октября канонерка «Олекма» тоже была на счету авиагруппы Линке.

Самолеты подходили к цели на высоте 2–3 тысячи метров, потом пикировали и с нескольких заходов сбрасывали бомбы. В результате было уничтожено два катера, землечерпалка и плавучий кран. Кроме того, у канонерской лодки «Бира» прямым попаданием фугасной бомбы разворотило корму, после чего вода залила кормовые отсеки. Однако корабль остался на плаву и через несколько дней, кое-как залатанный, вернулся в строй. На берегу были уничтожены четыре уже загруженных вагона с мукой, погибло 5 человек, 12 получили ранения³⁸.

7 октября из облаков уже над другим концом озера – над Новой Ладогой неожиданно вывалились и начали пикировать на порт четыре «Юнкерса» из KG.806. Их главной целью стал сторожевой корабль «Конструктор». Вскоре на высоте около 800 метров от одного из них отделились четыре бомбы, разорвавшиеся на рейде среди судов. В результате близкого попадания на «Конструкторе» возник пожар, погибла часть команды во главе с командиром, капитаном 2-го ранга Георгием Зеландом. Также были потоплены сторожевой катер КМ-1403 и баржа с мукой, повреждены тральщик ТЩ-127, пароход «Сталинец» и транспорт «Совет» тоннажем 300 брт.

В вахтенном журнале канонерской лодки «Бира», постоянно сопровождавшей конвой, 9 октября были зафиксированы шесть налетов немецких самолетов, 10 октября – столько же, 11 октября – пять, 12 октября – четыре, 13 октября – пять, 14 октября – четыре, 17 октября – пять и т. д.

В ночь на 11 октября над Осиновцем несколько раз пролетал ночной самолет-разведчик, а на следующий день произошел очередной налет. Правда, в этот раз «Юнкерсы» встретили интенсивный зенитный огонь, а в небе их атаковали советские истребители. Последним ценой потери одного Як-1 и одного ЛаГГ-3 удалось помешать немцам прицельно сбросить бомбы. Правда, и бомбардировщики избежали потерь. Этот небольшой успех позволил штабу войск ПВО Ленфронта сделать далекоидущие выводы: *«Беспорядочность сброшенных бомб во время дневного налета на мыс Осиновец (все бомбы упали в озеро, не причинив вреда) явилось результатом принятых мер усиления ПВО района и повышения эффективности действий нашей ИА и ЗА»*³⁹.

В том, что эти выводы оказались излишне оптимистическими, командование ПВО убедилось уже через пять дней. Утром 16 октября над Осиновцем появилась четверка пикирующих бомбардировщиков Ju-88A в сопровождении четырех «Мессершмиттов». *«Самолеты подлетали к объекту за облаками, а при бомбометании снижались до 400–700 метров, – сообщало донесение штаба ПВО войск Ленинградского фронта. – Всего сброшено 16 бомб. Несмотря на огонь ЗА и неоднократные атаки ИА, самолетам противника в результате бомбардировки удалось разбить 1 баржу с грузом, потопить 2 катера, 2 мотобота и повредить 1 мотобот. Убит 1 и ранено 3 чело века»*⁴⁰.

Во время налета по пикирующим «Юнкерсам» стреляли зенитки, установленные на берегу, пушки сторожевого корабля «Конструктор», а также истребители. И все дружно заявили о сбитом самолете. Фактически был сбит один Ju-88A-4 W.Nr. 1180 из 3-й эскадри-

³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 203.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 217.

⁴⁰ Там же. Л. 238.

льи KGr.806. При этом все четыре члена экипажа выбросились с парашютами и попали в плен.

На следующий день во время очередного вылета над Ладожским озером зенитным огнем был поврежден еще один самолет из этой же авиагруппы, однако он сумел дотянуть до аэродрома Сиверская и совершить вынужденную посадку на брюхо.

Утром 25 октября пять «Юнкерсов» в сопровождении четырех Bf-109 совершили налет на Осиновец, сбросив на него 32 фугасные бомбы. Однако на сей раз достижения немцев оказались скромны. Была повреждена пустая рыбацкая шхуна и ранено шесть человек.

Следующие авиаудары по Осиновцу были нанесены через четыре дня. В 13:00 над бухтой появились восемь Ju-88А, которые летели со стороны озера на высоте 3–4 тысячи метров, затем стремительно пикировали, с первого захода сбрасывали бомбы и уходили на запад. Как выражалось командование ПВО, «не принимая боя с нашей истребительной авиацией». На сей раз из 20 сброшенных бомб 16 упали в воду, остальные рядом с причалом и позицией зенитной батареи. В результате погибло 6 красноармейцев, 22 получили ранения. В 16:20 над Осиновцем снова появилась теперь уже четверка «Юнкерсов». Результаты налета оказались еще скромнее: 17 бомб упало в воду рядом с пирсами, три на берег. Правда, две из последних не сработали.

Удар повторился следующим утром. *«На порт Осиновец в 9.40 противник произвел налет 6 самолетами типа Ю-88, – говорилось в донесении штаба ПВО. – С пикирования с высоты 200–300 метров на порт сброшено 12 бомб. Разрушений и жертв нет. Самолеты подходили с севера и уходили на юг»*⁴¹.

Все это заставило советское командование, несмотря на нехватку самолетов на фронте, всерьез озаботиться ПВО Ладожской трассы. На западном берегу был размещен 123-й ИАП ПВО подполковника Ф. М. Мищенко, а на восточном – 13-й ИАП ВВС КБФ. При этом последний полк был оснащен старыми И-16. Сил явно не хватало. Над озерными пространствами постоянно летали три-четыре истребителя, еще не более пяти-шести машин дежурили на аэродромах.

Нехватка судов заставила в срочном порядке 16 октября организовать в Сясьских Рядках, на восточном берегу озера, ремонтный пункт. Там в течение 10 дней были дооборудованы для плавания по озеру еще девять речных барж. 26 октября они отправились в первый рейс, но четыре сразу же погибли в результате бомбардировок и шторма. Не помогло и введение на баржах должности политруков из числа ленинградских коммунистов. Снабжение Ленинграда осуществлялось из ряда вон плохо, поэтому и без того низкие нормы выдачи продуктов неуклонно снижались. Вместо планировавшихся четырех суток грузооборот одной баржи в среднем занимал не менее восьми, а иногда и двенадцати.

Тем временем корабли Ладожской флотилии выполнили еще одну важную стратегическую задачу. Ими был проложен морской бронированный кабель длиной 43 километра по дну озера, обеспечивший связь Балтийского флота и Ленинграда с Большой землей.

«Бычий глаз»

В ноябре к атакам кораблей на Ладожском озере помимо пикирующих бомбардировщиков Ju-88А из авиагруппы KGr.806 майора Рихарда Линке подключилась и специализированная I./KG4 «Генерал Вефер» гауптмана Клауса Нёске, базировавшаяся на аэродроме Дно-Гривочки⁴². Основной целью «Хейнкелей» были военные объекты на территории Ленин-

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 284.

⁴² I./KG4 в начале октября была отозвана для отдыха в тыл на аэродром Проверен в Восточной Пруссии, а III./KG4 была временно передана в подчинение 8-му авиакорпусу. Базируясь на авиабазе Орша-Зюд, «Хейнкели» поддерживали наступление на Москву, в том числе выполняли налеты на сам город.

града: портовые, гидротехнические сооружения, электростанции, фабрики и склады боеприпасов⁴³. 16 октября группа перелетела на аэродром Плескау. Это было связано с началом наступления 39-го танкового корпуса генерала Шмидта на Тихвин. Бомбардировщики помимо основных задач должны были поддерживать его. Экипажам приходилось совершать минимум по два вылета в сутки, чтобы успеть все это. 23 октября экипажи I./KG4 особенно отличились во время авиаударов по железнодорожным линиям в районе Тихвина, в ходе которых было уничтожено сразу несколько поездов. И вот ко всему прочему «Хейнкели» должны были еще и атаковать корабли на Ладожском озере.

Вылеты планировались следующим образом. К фюзеляжу подвешивалась одна тяжелая бомба (500—1000 килограммов), а также несколько SC250. Вылетая в сумерках, мелкие группы He-111 сначала летели к Ленинграду и сбрасывали бомбы SC500 или SC1000 на гидроэлектростанции на Неве. Затем поворачивали в сторону Ладожского озера и начинали поиск кораблей.

«Широкие полосы крупных пожаров обозначали линию фронта, – писал в рапорте командир 1-й эскадрильи обер-лейтенант Хеннингс. – На земле часто происходят вспышки. В то же время в небе начинают рваться зенитные снаряды, мы воспринимаем их как сигнал с земли, на огонь, на Ленинград! Так советы как бы показывали нам наш путь. Ленинград под нами. Город в яркую лунную ночь был прекрасно виден: Нева, канал с резким изгибом и здесь наша цель. Штурман в работе, на своем ложе впереди кабины. После сброса наших бомб внизу начинается пожар...

И вот мы, наконец, над западным побережьем Ладоги. Теперь начинается поиск вражеских кораблей на крупнейшем озере Европы. Лунный свет отражается на огромной поверхности, что позволяет обнаружить любые следы на водной глади на большом расстоянии. Пока не видно ничего, кроме плавающих обломков. Но мы настойчиво продолжаем поиск. Мы уже довольно далеко отклонились на восток, когда увидели что-то на поверхности воды. Может, это маленький остров с маяком, который мы уже знаем? Или это отсветы на поверхности, вызванные освещением с этого острова? Мы очень осторожно подходим ближе, чтобы рассмотреть. И видим шлейф дыма над водой! Затем становится понятно, что это шлейф дыма от судна, идущего на восток. В настоящее время мы находимся в наиболее выгодной позиции и на нужной высоте для захода на цель. Затем следует атака. Вблизи мы видим, что наша цель гораздо больше, это канонерская лодка!

По радиосвязи мы получаем приказ: сбросьте бомбы и поверните вправо. Справа сзади я вижу высокие столбы от взрывов бомб, которые упали в воду рядом с целью, а также яркое белое облако пара, как при взрыве котлов. Бычий глаз!⁴⁴

Короткая передышка и совещание. Теперь мы идем на второй заход, чтобы увидеть результаты атаки, но с осторожностью, опасаясь противоздушной обороны. Мы видим, как корабль сильно накренился набок и его передняя часть уже находится под водой»⁴⁵.

«Канонерской лодкой», которую атаковал He-111 обер-лейтенанта Хеннингса, в действительности являлся сторожевой корабль «Конструктор».

В начале ноября командующий Ладожской военной флотилией капитан 1-го ранга В.С. Чероков получил приказ срочно перевезти на восточный берег озера несколько сотен рабочих, подлежащих эвакуации на Урал, вместе с их семьями. Для этой цели были выделены самые быстроходные сторожевые корабли «Конструктор» и «Пурга». Вечером 4 ноября, как только стемнело, они один за другим вышли из бухты Морье и со скоростью 17 узлов отпра-

⁴³ Gundelach K. Kampfgeschwader «General Wever» 4. Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1978. S. 158.

⁴⁴ Это выражение на жаргоне летчиков означало нечто вроде «исключительная меткость» или «очень точно».

⁴⁵ Gundelach K. Op. cit. P. 152, 157.

вились через беспокойные воды Ладоги. На борту «Конструктора» находились 350 пассажиров, а на «Пурге» – 300.

Когда корабли находились уже далеко от берега, послышался гул моторов приближающихся самолетов. Ночь стояла лунная, посему различить на глади озера довольно крупные корабли было несложно. Вскоре громада двухмоторного самолета, который сами моряки ошибочно опознали не то как Ju-88, не то как финский «Бленхейм», пронеслась над «Конструктором», и в то же мгновение за кормой раздались два мощных взрыва. Находившиеся на палубе пассажиры с ужасом увидели в отблесках лунной дорожки два больших столба воды. Люди едва вздохнули свободно, как появился второй самолет и сбросил две бомбы. Одна упала рядом с бортом, вторая же угодила в носовую часть «Конструктора».

В результате взрыва, прогремевшего в трюме, погибли все находившиеся там пассажиры, было уничтожено первое котельное отделение, вся носовая часть судна до второго котельного отделения оказалась затопленной.

«От взрыва корабль сильно содрогнулся, погас свет, и в то же мгновение неистово завывала сирена: ее приводной трос при взрыве натянулся, и сирена пришла в действие, – писал С.Г. Русаков. – Те, кто был наверху, видели, как в один момент отвалилась вся носовая часть корабля с кубриками и помещениями, в которых было полно пассажиров – женщин, детей – и моряков, свободных от вахты. В том месте, где разорвались бомбы, металлическая обшивка наружных бортов отвалилась, палубы получили изгиб, и вся носовая часть ее со спрессованными тремя палубами погрузилась в воду».

В смежном помещении второго котельного отделения от сотрясения рухнула кирпичная кладка водотрубного котла, при этом был ошпарен вахтенный машинист. Из разорванных труб со свистом повалил пар. Однако переборка хотя и прогнулась, но выдержала, что спасло корабль от быстрой гибели. Но вода все же поступала через швы, заклепки и угольные ямы.

«Конструктор» погружался в воду, – продолжал свой драматический рассказ Русаков. – Вода стала быстро заполнять не пострадавшую от взрыва остальную часть верхней палубы, наводя панику на находившихся там пассажиров. Угол наклона на нос угрожающе увеличивался. Казалось, что судно проваливается»⁴⁶.

Уцелевшая часть команды немедленно начала борьбу за живучесть, одновременно командир «Конструктора» капитан 3-го ранга К.М. Балакирев развернул судно в сторону берега. Вскоре на помощь подоспела канонерская лодка «Бурья», на которую передали всех уцелевших пассажиров и часть команды. На «Конструкторе» же остались лишь 15 человек, которые продолжили борьбу за спасение крайне ценного корабля. Одни матросы, находясь по пояс в ледяной воде, подпорками укрепляли переборку между первым и вторым котельными отделениями, в то время как другие лихорадочно пытались откачивать воду.

Ближе к утру, когда до берега уже оставалось недалеко, к судну подошли спасательное судно «Сталинец» и буксир «Никулясы». Они взяли «Конструктор», имевший уже значительный дифферент на нос, так что винт торчал из воды, на буксир и повели его малым ходом кормой вперед. Однако вскоре продолжавшая погружаться носовая часть задела за грунт, и корабль сел на мель. После этого борьбу за живучесть пришлось прекратить и оставить корабль⁴⁷.

Людские потери были огромны. В ходе бомбардировки погибли 204 пассажира «Конструктора» и 34 члена его экипажа. *«По сведениям, полученным в момент окончания составления донесения в районе порта Осиновец, 1 Ю-88 в 19.20 5.11.41 подошел на малой высоте, с заглушенными моторами к миноносцу «Конструктор», который находился в Ладожском*

⁴⁶ Русаков З.Г. Указ. соч. С. 70.

⁴⁷ Чероков В.С. Для тебя, Ленинград! Л.: Лениздат, 1988. С. 40.

озере в 6–7 км от берега, – сообщало боевое донесение штаба ПВО войск Ленинградского фронта. – Попаданием бомб корабль выведен из строя. Число погибших выясняется. Миноносец отбуксирован к берегу»⁴⁸.

Три недели полузатонувшее судно оставалось на том же месте, пока 25 ноября на Ладоге не разыгрался очередной сильный шторм. В итоге носовую часть окончательно оторвало, и корабль вместе со льдами отнесло к берегу, где он и затонул на четырехметровой глубине.

Днем 5 ноября восемь Ju-88А из KG77 совершили налет на Новую Ладогу. При этом немецкие летчики сильно преувеличили свои успехи, заявив о потоплении транспорта и 15 паромов. Фактически же в порту погибла только незагруженная баржа, имелись разрушения в порту. Советские войска ПВО тоже не поскромничали, заявив о том, что над Новой Ладогой зенитчики подбили четыре Ю-88, которые потом были «добиты нашей ИА».

В общей сложности в течение двух с половиной месяцев люфтваффе совершили 127 налетов на порты и суда в озере, потопив 6 пароходов и 24 транспортные баржи. Кроме того, во время штормов и по другим причинам погибли еще 22 баржи. В итоге из несамоходного флота к концу навигации в строю остались только 7 барж. Из боевых судов были потеряны канонерская лодка, сторожевой корабль, 2 тральщика и катер типа «МО».

«Изнуряющие налеты»

В то же время продолжались и налеты на Ленинград. По замыслу фюрера непрерывные авиаудары и артобстрелы должны были сломить моральный дух голодающего населения и оборонявших город войск.

В начале октября бомбежки были эпизодическими, причем выполнялись отдельными машинами и только в темное время суток. К примеру, с 1-го по 4-е число налетов не было, а в ночь на 5 октября над городом пять раз появлялись бомбардировщики группами от двух до четырех самолетов и сбрасывали бомбы с горизонтального полета с высоты 5–7 километров.

Командование советской ПВО даже придумало этому свое объяснение, якобы «у немцев не хватает кадров-ночников», которые переброшены на другие участки фронта. В действительности передышка объяснялась переброской ряда подразделений на другие участки фронта и перебазированием оставшихся у 1-го воздушного флота сил. К тому же в начале октября пикирующие бомбардировщики эскадры KG77 были в основном нацелены на поддержку десанта на Моонзундские острова и удары по коммуникациям в советском тылу, а в налетах на Ленинград принимала участие в основном одна I./KG4 гауптмана Клауса Нёске.

В ночь на 8 октября последняя провела, по выражению штаба ПВО войск Ленинградского фронта, «изнуряющий налет на Ленинград». Первая группа «Хейнкелей» появилась над городом в 19:24. Затем вплоть до 1:37 с интервалами 10–15 минут подходили следующие бомбардировщики. Всего посты ВНОС и РЛС зафиксировали 38 самолето-пролетов, что примерно соответствует двукратной численности машин в группе. По всей видимости, каждый экипаж I./KG4 попросту сделал за ночь по два вылета. При этом бомбы были равномерно сброшены почти на все районы Ленинграда, за исключением Свердловского, Выборгского и Володарского. По большей части «Хейнкели» сбрасывали зажигательные бомбы и канистры с горючей жидкостью. Наиболее сильные пожары возникли на заводе «Подъемник» и Калашниковских складах. Попутно с бомбардировкой экипажи самолетов обстреливали из пулеметов аэростаты заграждения, получившие множество пробоин от пуль⁴⁹.

⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 321.

⁴⁹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 204.

Кроме того, к востоку от реки Волхов каждую ночь активно действовали ночные самолеты-разведчики. В основном они летали над хорошо различимыми даже в темноте ориентирами вроде железных дорог и рек. В этот раз «ночные призраки» были замечены над станциями Оять, Черепцово, Зеленец, Тальцы. Над поселком Прусына Горка, расположенным в 60 километрах южнее Волховстроя, была сброшена осветительная бомба, а потом дана пулеметная очередь с самолета. Также гул самолетов слышался в районе Осиновец – Волховстрой – Плежаново – Сумское. Были они замечены и над глубоким тылом: деревней Кончанское в 85 километрах юго-западнее станции Хвойная и деревней Хортей, расположенной в 100 километрах юго-восточнее Тихвина⁵⁰.

9–10 октября стали крайне неудачными днями для эскадры KG77. Во время налетов на Малую Вишеру, Будогощ и другие объекты к востоку от Волхова был сбит советским истребителем Ju-88A-5 W.Nr. 6094 из первой группы и пропал без вести Ju-88A-5 W.Nr. 2098 из 5-й эскадрильи. А на следующий день на базу не вернулось еще два «Юнкерса» из 1-й и 8-й эскадрилий.

Следующий «изнуряющий» налет на Ленинград I./KG4 выполнила в ночь на 11 октября. Любопытно, что командир группы гауптман Нёске, по всей видимости, специально выбирал одно и то же время для начала удара. Тем самым он хотел продемонстрировать предсказуемость и вместе с тем безнаказанность действий немецкой авиации, которая может бомбить Ленинград, когда захочет. И в общем Нёске был прав. Войска противовоздушной обороны города оказались совершенно не готовы к отражению ночных налетов в условиях плохой видимости и отсутствия визуального контакта с целью. Тем более по одиночным самолетам и мелким группам. Фактически велся лишь беспорядочный зенитный огонь, который к тому же не мог быть таким мощным, как, скажем, в Москве, из-за банальной нехватки боеприпасов.

Первый бомбардировщик появился в 19:20, всего на 4 минуты раньше, чем в прошлый раз, а последний в 1:03. *«Самолеты подлетали к городу четыремя эшелонами, с интервалами от 30 до 50 минут, на высотах 4000–5000 метров и расходились над городом поодиночке, – сообщало боевое донесение штаба ПВО Ленинградского фронта. – Первые два эшелона подлетали от Сиверская, Тосно, Колпино, Усть-Ижора, вторые два эшелона от Лисино, Ропша, Стрельна, Финский залив.*

В Володарском, Московском, Выборгском, Красногвардейском, Кировском, Ленинском районах города сброшено 28 фугасных и до 2000 зажигательных бомб. 9 фугасных бомб не разорвалось. Кроме того, в районе Пороховое сброшено 5 бомб на парашютах, которые также не разорвались⁵¹. Во время налета убито 3 человека, ранено 11 человек. ВТ объявлялась ночью 5 раз, общей продолжительностью 4 часа 25 минут». Зенитная артиллерия расстреляла 1097 снарядов калибра 85 миллиметров, 180 калибра 76 миллиметров и 231 калибра 37 миллиметров. Любопытно, что от попаданий зажигательных бомб сгорело два аэростата заграждения, поднятые на высоту 4500 метров⁵².

14 октября немецкие самолеты нанесли авиаудар по станции Тихвин, в результате которого сгорело несколько вагонов и цистерн с горючим.

В ночь на 17 октября на Ленинград было сброшено 42 фугасные бомбы и свыше 2 тысяч мелких зажигалок. В результате в городе возникло 108 пожаров, в том числе 31 на предприятиях и 64 в жилом секторе.

На следующую ночь немецкие самолеты снова появились над Ленинградом, сбросив на него около 3 тысяч зажигательных и 10 фугасных бомб. На сей раз пострадали 10 районов

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Это были авиационные мины с ударным взрывателем.

⁵² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 216–217.

города, а наибольшие разрушения имели место на заводе «Знамя труда», заводе имени Карла Маркса, заводе № 307, в клубе 3-й медицинской академии и здании Фондовой биржи. Снова сильно досталось аэростатам заграждения, которые поднимались на высоту 3600 метров. Из-за сильного ветра оторвались и улетели четыре оболочки, еще две были пробиты осколками снарядов зенитной артиллерии.

18 октября впервые с начала месяца активно проявила себя авиация ВВС Ленинградского фронта, в которую оперативно входил и 7-й ИАК ПВО. Это было связано с временным улучшением погодных условий. В предыдущие дни сталинские соколы практически бездействовали, ссылаясь на нулевую видимость и плохое состояние аэродромов. Всего было выполнено 61 самолето-вылет.

«В воздушном бою 4 км с/в ст. Будогощь нашим И-16 сбит 1 Ю-88, самолет противника и экипаж разбились, – сообщало донесение штаба ПВО Ленфронта. – В районе Ур. Рогатки 1 И-16 имел встречу с неопознанным 2-х моторным самолетом противника, который, не приняв боя, спикировал и ушел на юг. В районе Кр. Бор 4 МиГ-3 и 3 И-16 имели встречу с 2 Хе-113. В воздушном бою подбит 1 наш МиГ-3, который произвел вынужденную посадку в районе дер. Бугры. У самолета сломаны шасси, летчик ранен.

В районе Мга нашим истребителем сброшены бомбы. Зафиксирован пожар. В районе Сологубовка 1 И-153 был освещен прожектором и обстрелян пулеметным огнем. С высоты 600 метров сброшено 2 бомбы на прожектор, в результате освещение и стрельба прекратились»⁵³.

Надо отметить, что донесения, подписанные начальником ПВО войск Ленфронта генерал-майором Кругловым, его начальником штаба полковником Чумаком и начальником оперативного отдела штаба ВВС ЛФ полковником Селезневым, в целом отличались непривычной правдивостью. Обычно командующие подразделениями противовоздушной обороны, пользуясь тем, что проверить их данные довольно сложно, всякий раз сообщали о сбитых вражеских самолетах. А также следовали распространенной формуле типа «из 50 самолетов противника прорвалось к цели три-четыре». Благо Ленинград находился на линии фронта и берегу моря, и «сбитый» бомбардировщик всегда можно было полагать упавшим на территории противника или в воду. Именно так писали пэвэошники свои дутые отчеты в Москве, Севастополе, Горьком, Мурманске и т. д. А вот Круглов и Чумаков докладывали честно, указывая в сводках только проверенные данные, которые чаще всего соответствовали действительности. Так же открыто они сообщали начальству и о недостатках, просчетах в боевой работе вверенных подразделений. А также о тяжелых последствиях налетов и разрушениях.

Вечером 20 октября в ходе очередного авиаудара на Ленинград, по данным службы МПВО, упали 40 фугасных и 1 осколочная бомба. Возникло 14 очагов поражения, в том числе пять на промышленных объектах, один в жилом секторе и восемь на улицах и пустырях.

С 21 по 27 октября из-за плохой погоды авиация снова бездействовала. Над Ленинградом и Ладожским озером появлялись лишь одиночные самолеты, в основном с целью разведки. Советские самолеты и летчики также отдыхали на аэродромах.

Между тем положение советских войск южнее Ладожского озера постепенно ухудшалось. Стужались тучи и над базами снабжения осажденного Ленинграда. Еще в середине октября, форсировав реку Волхов, 39-й танковый корпус генерала Рудольфа Шмидта начал наступление с целью соединения с финскими войсками и окончательного окружения города. Поскольку немцы продвигались по труднопроходимым дорогам и болотам, к тому же в условиях осенней распутицы, операция поначалу шла медленно.

⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 246–247.

Не хватало танкам Шмидта и поддержки авиации, из-за низкой облачности и туманов она носила лишь эпизодический характер. Так, 28 октября в зоне ответственности Свирского дивизионного района ПВО было отмечено всего 29 самолето-пролетов противника. Те действовали в основном поодиночке, реже группами по четыре – шесть машин на высоте 200–500 метров и преимущественно проводили разведку вокруг Тихвина и севернее. Немецкие самолеты неожиданно появлялись в разрывах тумана и исчезали, сообщая о своем присутствии то усиливающимся, то стихающим гулом моторов.

В районе станции Черенцово на позиции советских войск было сброшено 10 бомб, а на станцию Дыми 12 бомб, в результате было разрушено семь пролетов воздушной телефонной линии, убит один, ранено два человека из гражданского населения. На станцию Оять, расположенную в 25 километрах северо-востоку от Новой Ладоги, по всей вероятности финским самолетом было сброшено две бомбы, которые в цель не попали.

В 18:29 28 октября после недельного перерыва несколько самолетов совершили налет на Ленинград, сбросив на него 10 фугасных и около тысячи зажигательных бомб. В результате на заводе «Невгвоздь» был разрушен утильцех, на заводе трикотажных машин разрушен склад и лаборатория ОТК, в Володарском районе разрушено два деревянных дома, поврежден воинский блиндаж, а на улице Зеленина разрушен угол дома № 226. От «зажигалок» в городе возникло 14 пожаров. По данным службы МПВО, погибших в этот раз не было, ранения получили 12 человек⁵⁴.

Авиация ВВС Ленфронта выполнила в течение дня 41 самолето-вылет, осуществляя патрулирование над Ладожским озером, Ленинградом, а также атаковала наземные цели (в основном автомашины) в ближнем тылу немецких войск. Сбитых немецких самолетов и потерь зафиксировано не было.

В ночь на 30 октября люфтваффе с небольшим перерывом произвели два налета на Ленинград, сбросив на него 40 фугасных и около 1400 зажигательных бомб. Возникли пожары на товарной станции Финляндского вокзала, заводах № 77 и 349. На заводе № 7 прямым попаданием фугасной бомбы был разрушен цех № 3. По данным службы МПВО, погибло 10 человек, 54 получили ранения.

Кроме того, 29 октября немецкие самолеты оказывали поддержку наступающим частям 39-го моторизованного корпуса. Были нанесены удары по перегонам между станциями Черенцово – Цвылево, Волховстрой – Тихвин, а также по позициям советских войск в районе Липная Горка – Цвылево.

При этом немецкие бомбардировщики несколько раз подвергались атакам истребителей. В районе Тихвина был сбит Ju-88А-5 «V4+ID» лейтенанта А. Аспоека из 8-й эскадрильи KG1. «Юнкерс» упал вместе с экипажем где-то в бескрайних болотах... Октябрь выдался не очень удачным для 3-й группы эскадры «Гинденбург». Шесть самолетов получили повреждения по техническим причинам, два были повреждены зенитками, дотянули до аэродрома и плюхнулись на брюхо. 11-го числа пропал без вести экипаж гауптмана Вайтхасса из 7-й эскадрильи. А в конце месяца вслед за «Юнкерсом» Аспоека на территории противника упали еще две машины. А вот II./KG1 провела весь месяц без серьезных потерь, хотя и лишилась одного самолета вследствие бомбардировки 16 октября аэродрома Старая Русса.

Неприятный случай имел место в этот день в районе к югу от Свири. Один истребитель ЛаГГ-3 геройски вел бой сразу с тремя «Мессершмиттами». Правда, в основном с целью побыстрее выйти из него. Когда же летчику наконец удалось оторваться от преследователей на малой высоте, его самолет был атакован своим И-153, а затем еще и обстрелян зенитной артиллерией. В результате пилот с трудом выбросился с парашютом, получил травмы и был

⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 285.

отправлен в госпиталь на станции Оять. В том же районе из-за плохой погоды разбились вместе с экипажами бомбардировщики Пе-2 и Ер-2⁵⁵.

В начале войны, в июне 1941 года, вряд ли кто-то мог предположить, что Красной армии придется воевать с немцами в такой глуши. Ведь Оять, юго-восточные окрестности Ладоги и берега Свири представляли собой дремучий, поросший древними хвойными лесами болотистый и малонаселенный край, где почти не было даже грунтовых дорог. В каком-то смысле это был Край Света, конец Европы в культурном смысле слова. Ведь к востоку от Ладоги и Тихвина на протяжении нескольких сотен километров нет ни одного крупного города. Даже железная дорога на Вологду проходила по безлюдным лесам и пустошам, где постоянно слышался вой волков и легко можно было встретить медведей. Поистине первобытный край, затерянный мир!

⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 103. Л. 287.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.